

ВАЛЕНТИН И ЮЛИЯ ГНАТЮК

**СВЯТОСЛАВ
БОЛГАРИЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА

Святослав

Валентин Гнатюк
Святослав. Болгария

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гнатюк В. С.

Святослав. Болгария / В. С. Гнатюк — «Издательство АСТ»,
2014 — (Святослав)

ISBN 978-5-17-108249-9

Роман представляет собой подробное жизнеописание известного киевского князя Святослава Игоревича, широкую панораму событий в Киевской Руси X века накануне крещения её Владимиром, а также взаимоотношения с Византией, Хазарией, Болгарией, другими странами и народами раннего средневековья. В основу положены многие исторические данные, переосмысленные и воспроизведённые авторами с такой бережностью и глубиной, что даёт все основания назвать данное произведение романом-реконструкцией. Книга читается на одном дыхании: правление княгини Ольги, подробности ведического обучения, любви и ратного возмужания Святослава, романтические эпизоды и захватывающие батальные сцены доставят читателям истинное удовольствие. Совершите неповторимое волшебное путешествие в глубины генетической памяти русского народа! Вашему вниманию предлагаются три книги, охватывающие события 953–971 гг.: юность и возмужание Святослава; разгром Хазарского каганата; война в Болгарии. Итак, третья книга: Святослав. Болгария.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108249-9

© Гнатюк В. С., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Предисловие	6
От авторов	8
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	26
Глава четвёртая	45
Глава пятая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валентин Гнатюк, Юлия Гнатюк Святослав. Болгария

Предисловие

После того как я прочитал этот роман, первая мысль, которая пришла на ум: надо бы в центре России, в Москве или в Питере, поставить достойный памятник этому верному служителю нашего Рода.

Память о Святославе сознательно уничтожалась на протяжении столетий. Дошло до того, что на известнейшем памятнике «Тысячелетию России» нет ни Святослава, ни Олега Вещего. Хорошо, хоть Рюрик есть. А ведь это родной дед Святослава из рода Гостомысла.

Зачем уничтожалась ранняя история Руси, мы все прекрасно понимаем. Рюрик, Олег, Игорь, Святослав – все они очень неудобные и не вписывающиеся в западную историю, в которой Руси и позже России отводилось место зависимой, неспособной на самостоятельное развитие, варварской страны.

Конечно, эта книга может вызвать скандал в научной, а точнее говоря, в псевдонаучной среде. Ведь почти все древние летописи, дошедшие до наших дней, – это списки, сделанные нашими хроникёрами, в которых реальная история перевернута в угоду византийскому христианству. Валентин и Юлия Гнатюк создали в своей книге очень честный и правильный образ Святослава, как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян.

Я очень советую всем прочитать эту замечательную трилогию и, наконец, понять, какой бедой для Руси в своё время оказался Хазарский каганат, которым фактически уже тогда правили иудеи. Бесстрашная, независимая, сильная Русь вызывала зависть и бессильную злобу у правителей наших соседей, уже прогнанных под торгашей. Многие славянские народы обязаны Святославу жизнью и свободой. Именно Олег, Игорь и Святослав заставили Византию уважать Русь. А ведь Византия того времени – это, говоря современным языком, сверхдержава, оплот цивилизации и демократии.

История развивается по спирали. На очередном витке события повторяются. Меняются декорации, но суть остаётся та же. Нужно ли говорить о том, как важно нам сегодня иметь правильную, неотформатированную память о своих великих предках?

Юлия и Валентин Гнатюк написали несколько интереснейших книг об истории Руси. Роман-трилогия «Святослав» – прекрасное продолжение этой большой работы. Благодаря тщательному подходу к историческим фактам, образному мышлению и уважению к нашему глубоко-

кому прошлому, писателям удалось буквально проникнуть в эпоху Древней Руси и пройти по следам легендарного князя. Я считаю, что это лучший исторический роман о князе Святославе.

Описание природы, живые картины быта, ратного обучения и праздников дают ощущение полного присутствия в тот исторический период и сопричастности происходящему, и эта магия не отпускает до самого конца книги.

Трилогия «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» – прекрасный подарок читателю, любящему нашу историю, в которой сокрыты многие ключи и нынешнего и грядущего!

Уверен, после прочтения вам захочется вернуться к более раннему периоду нашей истории и узнать о том, как начиналась Великая Русь при князе Рюрике. Свою версию о Рюрике и его братьях мы изложили совместно с авторами в книге «Рюрик. Полёт Сокола». Будут и другие книги о том времени. Сейчас работаем над книгой об Олеге Вещем. Необходимо восстановить память. У кого нет прошлого – нет и будущего.

Михаил Задорнов

От авторов

Дорогой читатель!

Перед тобой открываются страницы романа-трилогии «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» о прославленном многими победами князе средневековой Руси Святославе Игоревиче.

Получилось так, что данная трилогия была написана раньше, чем романы о его отце Игоре, деде Рароге-Рюрике и Олеге Вещем. Именно этот энергетически концентрированный образ Святослава Хороброго призвал извлечь из глубин исторической памяти его великих предков.

Прежде чем писать данную книгу, мы прошли стопами Святослава по гостеприимной и прекрасной болгарской земле, посетили заветные места, побеседовали с хранителями памяти – историками и учёными. Следует сказать, что Болгария помнит Святослава, и мы получили некоторые важные сведения о его пребывании в Великой Преславе. На основании реального святилища бога Загрея произведена реконструкция священного обряда.

Конечно, мы опирались на труды древних и современных летописцев: Геродота, Страбона, Плиния Старшего, свидетельства императора Константина УП Багрянородного и византийского хрониста Льва Диакона, хроники Иоанна Скилицы, записи арабского путешественника Ибн-Хаукаля и арабского историка Яхьи Антиохийского, на ПВЛ (сохранившую тексты византийско-русских договоров), труды Б.А. Рыбакова, замечательную работу А.Н. Сахарова «Дипломатия Святослава».

В романе приведены подлинные исторические свидетельства, – письма-послания князя Святослава и императора Иоанна Цимисхия друг к другу накануне Болгарской войны 970 г., надпись митрополита Милитинского Иоанна на гробнице Никифора Фоки, надпись на Добруджанском камне, предположительно оставленная князем Игорем в Болгарии в 943 году, которая считается памятником древнейшей кириллической (русской) письменности.

Традиция использовать древние летописи, порой изменяя их и дополняя новыми сведениями, известна с незапамятных времён. Тот же Лев Диакон пользовался историческими трудами прошлого, испытал влияние, например, Агафия Миринейского, но, подобно другим византийским авторам, переосмысливая античность в духе христианства и превнося в неё цитаты из Ветхого и Нового заветов.

Поэтому сцена встречи князя Святослава и императора Цимисхия описана им в привычных византийских традициях возвеличивания императора: на коне, в золотых доспехах, в окружении блистающей свиты, он снисходит к просьбе предводителя варваров, который, отличаясь от прочих только чистотой рубахи, сидит в лодке, к тому же сам гребёт вёслами.

Наша версия встречи иная, основанная на других источниках, а также принципах обеспечения безопасности князя в подобных условиях, учитывая особенности характера такой личности, как Иоанн Цимисхий.

Мы прослеживаем короткую, но яркую, как вспышка перуновой молнии, жизнь князя с его отрочества до гибели. Гибели загадочной и неоднозначной, впрочем, как и его предшественников – Игоря и Олега Вещего. Неизвестно ни само место трагедии, ни его непосредственные организаторы. Странна и зимовка дружины князя в Белобережье, где они страдали от голода и «платили по полгривны серебром за конскую голову». Неужели дружина Святослава не могла, подобно Свенельду, уйти в Киев через степи, либо, чего проще, вернуться на свою морскую базу в Керчи? К слову, ни Лев Диакон, ни иные историки, не говорят о зимовке Святослава в Белобережье. Эту версию излагает только ПВЛ.

Однако известен иной факт – смерть некоего предводителя руссов в Бердаа в 944 г., когда русы полгода (или целый год) были окружены в крепости и страдали от болезней и голода.

Именно там, будучи в полной изоляции, они «платили по полгравны серебром за конскую голову».

Не мудрствуя лукаво, монахи-переписчики перенесли данное событие во времена Святослава. Подобным же образом факты крещения Руси Аскольдом при патриархе Фотии и византийском императоре Василии Македоняnine были перенесены во времена князя Владимира (спустя сто лет!), даже без изменения имён патриарха и императора, что породило неразрешимую загадку среди современных историков и исследователей.

Русские летописи сравнивают Святослава с «пардусом», то есть гепардом, самым быстрым сухопутным хищником. Именно таковы были стремительные и чаще всего неотвратимые атаки железного святославова воинства, спянного отменной выучкой, слаженностью действий, отвагой и преданностью родной земле.

Противники, те же византийцы, именовали Святослава «воскресшим Ахиллом».

Наиболее ёмкая характеристика, на наш взгляд, дана Б.А. Рыбаковым в его книге «Рождение Руси»: *«Подводя итоги короткому, но блистательному княжению Святослава, мы видим, что он вовсе не был «безрассудным авантюристом», бродившим где попало по степям. Его волжско-хазарский поход был жизненно важен для молодого государства Руси, а его действия на Дунае и за Балканами были проявлением дружбы и солидарности с народом Болгарии, которому Святослав помогал отстаивать и свою столицу, и своего Царя, и политическую самостоятельность от посягательств Византии. Поражение Святослава было концом суверенной Болгарии, возродившейся только два столетия спустя. По отношению к Руси вся стремительная деятельность Святослава не только не была невниманием к её интересам или неосознанным стремлением «охабить», пренебречь ею, но, наоборот, всё было рассчитано на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил. Важнейшая задача, состоявшая в обеспечении безопасности со стороны Хазарского каганата, была решена вполне успешно. Вторая задача – создание мирного торгового плацдарма на западном побережье Русского моря (в содружестве с Болгарией) – выполнена не была, так как здесь Руси противостояли две значительные силы: Византия и Печенегия, раскинувшаяся по степям на «месяц конного пути»».*

Описываемый нами период невозможно понять и ощутить без объёмного видения, без той религиозно-философской основы, которая давала пращурам силы отстаивать свою независимость и торгово-дипломатическими путями, и в военных сражениях с многочисленными противниками.

И здесь нам посчастливилось работать с источниками больше духовного плана, многие из которых являются уникальными.

Есть такое древнее слово – «волшба», когда воедино сливаются знания и ощущения времени, когда вызванные из нави образы становятся зримыми, и возникает непередаваемое чувство сопричастности, от которых пробуждается мысль и дрожит душа.

Итак, читатель, тебе выпала редкая удача стать соратником великого князя Святослава, пройти увлекательный курс славянского ведизма, ратного дела, альтернативной истории, получить некоторые сведения о вере и обычаях предков, прикоснуться к тайнам древних мистерий.

В добрый путь по тропам своей исторической и генетической памяти!

Валентин и Юлия Гнатюк

Часть первая Земля болгарская

Глава первая Воевода Боскид. Лета 6474 (966 г.)

Двадцатитысячная конная дружина князя Святослава споро шла на заход солнца. Погода стояла добрая, без дождей. Самое время явиться киевским витязям в Болгарию и настигнуть беглецов – хазар, яссов, да койсогов с волжскими булгарами, что нашли прибежище у болгарского царя Петра после разгрома Хазарского Каганата. Всё это время, где бы ни сражался князь, а всё чувствовал, будто дыхание в затылок, затаившуюся беду на полуденном заходе, что терпеливо ждала своего часа. Нынче пришла пора покончить с сим тайным кинжалом за спиной.

Дружина вышла на берег быстрого Днестра. Здесь, у поросших старыми вербами берегов, князь повелел сделать привал, чтобы поутру переправиться на десную сторону. Изведывательская сотня, разделившись, отправилась вверх и вниз по течению реки. Остальные всадники расседлали коней, стреножили их и под зорким оком дозорных пустили пастись на луг. Затрещали костры, воины принялись жарить на них свои нехитрые припасы да дичину, что добыли по пути или тут же у берега.

Уже темнело, когда князю доложили, что прискакал гонец из Киева со срочной вестью.

– Давай его сюда, что-то стряслось? – озабоченно молвил Святослав.

– Стряслось, княже, – с поклоном отвечал усталый гонец, – вятичи от Киева отложились, посадников твоих изгнали и заявили, что отныне будут сами себе хозяева.

– Вот хитрецы, – возмутился Святослав, – Киев от хазар их освободил, а теперь не нужен стал?! Кто же там верховодит?

– Так рекут, княже, что купцы вначале возроптали, мол, чего это мы Киеву подати будем платить, а после уже и бояре их поддержали, – отвечал посланник.

– Ах, вы ж, подлые торговцы, всё, как есть испоганили! – с глубокой досадой молвил Святослав. Он уже в замыслах строил бои с врагами Руси, затаившимися в Болгарии, да вот незадача, нельзя оставлять безнаказанной смуту вятскую. – Теперь придётся возвращаться, чтоб вятских купцов да бояр хитромудрых образумить! – сокрушался Святослав.

– Жаль, столько прошли уже, и время удачное! – поддержал темник Боскид.

– Ладно, ночуем, как решили, а утром снимаемся в обратную дорогу, не вышло в Болгарии погостить, придётся к вятичам на блины нагрнуть, – с горькой усмешкой молвил князь.

Однако утром, едва собралась дружина после утренней молитвы, как охоронцы привели троих русинов с Карпатских гор.

– Вот, переплыли с того берега, – докладывал старший из дозорных, – рекут, что к тебе, княже, шли, в Киев, да не чаяли, что богам будет угодно встретить тебя здесь.

– Что ж за дни нынче, посланец за посланцем, что тебе в полюдьё на погосте, а не в походе воинском, – проворчал князь, – ведите!

Старик в круглой расшитой шапке, отороченной мехом, в коротком козьем колушке без рукавов поверх расшитой рубахи, в конопляных портах и мягких постолах вышел вперёд, низко поклонившись князю.

– Пресветлый князь Киевский, – заговорил старец сильным с хрипотцой голосом, – русины, а это гуцулы, лемки, бойки, долиняне и другие народы просят тебя, могучий князь, взять нашу землю Карпатскую – колыбель Руси древней – под свою крепкую руку, потому как нет у нас более сил терпеть разор и грабежи, что чинят бессердечные угры, – рёк он настолько

быстрой речью, что Святославу с трудом удавалось понять посланца. – Вы, люди киевские, – продолжал старец, – не знаете труда подневольного. А мы тут, – он кивнул головой на спутников, – с малолетства от рабства страдаем, и бьют нас кнутами нещадно! Вот, гляди!

Старик оголил спину и повернулся.

Все увидели множественные рубцы от ударов бичами.

– Это ещё что, – добавил, оправив рубаху, старик, – иных людей мучители до смерти забивают. А лучших жён и дев наших себе в жёны берут, либо продают в чуждадьные земли. И горы наши Карпатские теперь уже Угорскими называются. Коли не внемлешь просьбам нашим, то загинем все, как есть, от мала до велика. Кто в сече падёт, а кто в полоне страшном окажется, одно другого не лучше, – старик снова глубоко поклонился, за ним и двое ходоков помоложе.

Святослав задумался, поглаживая длинные усы и наморщив чело. Наконец, что-то решил про себя.

– Боскид, – остановил князь взор на одном из верных начальников, – тебя с тьмой отправляю в Карпаты, пора Буковине и Карпатской Руси к земле Киевской приложиться. Слыхали слово моё княжеское, почтенные посланцы? – обратился Святослав к русинам. – Отныне земля ваша под защитой Киева, а посему вы сейчас отправитесь обратно с моим воеводой Боскидом, и он «договорится» с уграми, чтоб они более землю древнюю Карпатскую не разоряли.

Дав распоряжения, князь кивнул темнику и отошёл с ним сторону.

– Боскид, освободишь русинов, только самих угров хорошо бы в союзники взять, поскольку у нас есть общая цель – Болгария. И коли болгары себе хазар да койсогов в помощники взяли, отчего нам не взять угров? Только помни, мадьяры – воины жестокие и отчаянные, они лишь силу понимают и уважают. Потому действуй силой, но с умом, понятно? Я не зря наделил тебя чином воеводы. Вот тебе перстень, договор от моего имени сладишь, а я к вятичам торопиться должен, – молвил князь, снимая с перста малую княжескую печатку с изображением на ней сокола – древнего знака рарожичей.

Лик Боскида стал озабоченным, он согласно кивнул и лишь молвил кратко:

– Разумею, княже, сделаю, как велишь...

– Ну, будь здоров, карпатский воевода, пусть Перун хранит тебя и даст победу лёгкую! Да, и изведывательскую сотню возмёшь, тебе она нужнее, – заключил князь. Они обнялись и вскочили на коней, отдавая приказания своим тысячникам.

Прекрасны Карпатские горы, чудны его многотравные полонины, могуч и строен карпатский лес! Стоит он, как гребень частый, дерево к дереву, выше облака ходячего, ниже солнца стоячего. И царствует в нём бог Лесич с зеленокосыми Леснянками. А те Леснянки на ветвях сидят-качаются, из Папороть-цвета венки плетут, цветами волосы завивают, и смеются, веселятся, друг дружку окликают-аукают. А потом начинают плясать, хороводы водить, петь, и тем дивным пением случайных путников привораживать.

Шёл воевода Боскид с дружиной к горам Карпатским. Степи сменялись полями, пашни сменялись рощами. Потом пошли леса густые и тёмные – буковые да хвойные. Карпатские посланцы указывали, где лучше всего пройти коннице. Старший из них русин Зорян, неожиданно для своих лет, оказался на редкость выносливым и ничуть не уступал более молодым спутникам. Шли по неведомым местам сторожко, опасаясь наскочить на отряды мадьяр. Боскид выслал вперёд самых опытных следопытов. Как-то они привели к воеводе испуганного русоволосого отрока годов десяти в вышитой гуцульской душегрейке.

– Мы с вуйком и братьями овец пасли на склонах, да мадьяры наскочили. Вуйко мне приказал бежать и толкнул в кусты у самого склона. Я кубарем скатился и ложиной побежал... вот... что с родными теперь случилось, не ведаю... – со слезами на очах закончил сбивчивый рассказ юный горец.

– Немедля воев своих пошли по следу угров, – сверкнув очами, приказал начальнику изведывательской сотни воевода. – После пастбища они непременно в селение наведуются, ежели их числом немного – уничтожьте, чтоб ни один не ушёл, иначе остальных упредят.

Сотник лишь кивнул, тут же крепкой рукою легко подхватил мальчика и посадил впереди себя на коня.

– Двоих непременно живыми возьми! – крикнул вдогонку сотнику Боскид.

К обеду сотник доложил, что за одной из гор в долине стоит великое войско мадьяр-угров с конями, припасами, жёнами и детьми.

– Тех, что стадо взяли, мы в селении настигли, малец нас туда горной тропой провёл. Было их не более полусотни, мы их там и положили всех рядом с телами убитых ими жителей. – Перехватив вопрошающий взгляд воеводы, добавил: – Двоих оставили и допытали, они-то нам и поведали о стане и силе войска угорского.

– Тысяч тридцать будет, – добавил старший из следопытов, – ежели по коням считать!

– Да и пленённые угры о том же рекли, – кивнул согласно изведывательский сотник.

– Втрое больше нашего, значит, неожиданностью брать надо! – решил Боскид.

Он велел раскинуть стан, но коней не расседлывать и костров не разводить. А как стало темнеть, войско неслышно двинулось по лесным тропам под водительством Зоряна со спутниками.

Шли всю ночь, а к рассвету достигли неприятельского стана. Увидели стреноженных коней и большую поляну, на которой стояли полотняные шатры, в коих спали угры. Цветной шатёр посредине выдавал расположение их князя. Стражники, уронив головы на колени, сидели у едва дымящихся костров и также спали крепким предутренним сном.

– Беспечно спят, значит, вы и вправду ни единого из той полусотни, что селение грабили, не упустили, – тихо отметил начальнику изведывателей довольный воевода.

Боскид сделал знак, и через несколько мгновений, скользя ужами в высокой траве, поползли ловкие изведыватели к дремавшим дозорным и стражникам у коновязей да загоннов, наскоро сооружённых для захваченного скота. Вскоре неприятельские дозорные почти без звука повалились наземь. Ещё несколько долгих мгновений ожидания – и в утренней сереющей тишине трижды прокаркал надтреснутым голосом ворон. Воевода опять дал знак, и остальные воины изведывательской сотни быстрыми ящерицами устремились за своими соратниками. Снова потянулось тревожное ожидание, которому, казалось, не будет конца, – ещё немного, и начнут просыпаться воины.... Наконец, из вражеского стана трижды ухнула сова.

– Пора! – уже не таясь, рыкнул воевода. И русское воинство неудержимым валом хлынуло на неприятельский стан, словно прорвавшая плотину вода...

У самых шатров поток разделился натрое. Два Крыла его потекли вокруг стана угров, стремясь охватить его в коло, а Сердце устремилось прямо к середине, туда, где стоял пёстрый шатер князя. Шум боя, разом возникнув, разрастался по мере того, как лавина русов схватывалась с проснувшимися уграми, которые выскакивали из шатров полуодетые, с обнажёнными клинками и тут же падали от копий и мечей киян. Воины изведывательской сотни, уничтожившие вражеских дозорных, по-прежнему бесшумно, стараясь не ввязываться в схватку, продвигались в самое сердце стана. Лишь иногда калёная стрела или быстрый метательный нож мгновенно отправляли в Навь очередного угрина. Почти одновременно с ударом конницы по неприятельским порядкам, первый десяток достиг княжеского шатра, и несколько клинков вспороли его полотняные бока, остальные изведыватели принялись громить близстоящие становища воевод и личных охоронцев.

Молодой угорский князь, малорослый, подвижный, с чуть раскосыми тёмными очами, с тремя косичками чёрных, будто вороново крыло, волос на бритой голове отчаянно отбивался мечом и длинным германским ножом-скрамасаксом, прикрываемый с боков двумя рослыми охоронцами. Женщина на ложе, усталом мягкими шкурами, ничего не разумея от столь

неожиданного и страшного пробуждения, лишь безотчётно прижимала к себе двух маленьких детей. Вот один охоронец осел на левое колено, а потом упал, зажимая рукой кровоточащую рану в боку. Женщина истошно закричала, когда вбежавший в шатёр чужак с ходу метнул в голову мадьярского князя нож. Тот, выронив оружие, зашатался и рухнул на ковёр.

– Ты что ж это сотворил?! – Заорал разъярённый сотник, мигом скручивая второго охоронца. – Воевода велел живьём...

– Так я ж рукоятью бросил, да и не так шибко, только чтоб махать перестал, – виновато начал оправдываться изведыватель.

– Жив, – облегчённо вздохнул сотник, став на колени и перевернув лежащего без движения молодого князя. – Ну, твоё счастье, Мстислав, – погрозил он уже беззлобно изведывателю. – Теперь вяжи его, и чтоб ни волоса..., – потом глянул на поверженного и поправился: – Чтоб ни косы с его бритой головушки не пропало! И у неё с детьми тоже, – указал сотник на семью угрина.

И были угры разметены. Плакали их жёны и дети, оказавшиеся враз полонёнными, а те, что под шум скоротечного боя успели сбежать, устремились в горы и поспешили схорониться в лесных чащобах. Уцелевшие воины скрежетали от злобы зубами и клялись своими богами отмстить русам. Но узнав, что их молодой князь-кенде с семьёй живы и находятся в полоне у киян, прислали переговорщиков, чтобы князя выкупить, не то не сносить им головы, коли узнает старый князь-джила, что его любимый сын оказался в чужих руках.

Воевода Боскид вместе со своими полутемниками принял переговорщиков. Если молодой князь выглядел так же, как его далёкие кочевые предки, то среди переговорщиков уже были и русоволосые, и рыжие, иные высокого роста и по-славянски крепкого сложения, – дети и внуки тех немков, словенков и русинок, коих угры похитили в жёны. Но все они держались своей необычной для европейцев манеры носить косы на бритой голове.

– Уразумейте добре, что Буковинская и Карпатская Русь отныне едина с Русью Киевской, а потому всяк, кто без дозволения князя Святослава сюда придёт, тот уничтожен будет до единого! – грозно рёк через толмача воевода Боскид, обводя твёрдым взглядом мрачные лица угорских вождей. – Ваши земли нам не надобны, и всегда Русь с соседями мирно жить стремится. Потому мы дозволим вам детей, и жён своих, и воинов забрать и уйти домой беспрепятственно, ежели слово дадите крепкое никогда впредь границ сих не нарушать, иначе... – воевода многозначительно положил десницу на рукоять своего обоюдоострого меча.

Угры сидели, как на горячих углях, только метали молнии из чёрных очей, да что поделаешь, пленников выручать надо...

Боскид, между тем, сел напротив посланцев и заговорил почти спокойно, подбирая слова.

– Я знаю мадьяр, как настоящих воинов, сильных и выносливых. Сама Ромейская империя опасается ваших стрел и копий, – воевода помолчал. – И вдруг такие великие воины приходят грабить мирных горцев, с которых и взять-то особо нечего, во всяком случае, не сравнить с той же Византией или Болгарией, через земли которых непрерывным потоком текут товары со всей Европы, Востока и Азии...

Угорский вождь ещё более нахмурился, не понимая, к чему эти хвалебные речи киевского начальника, если речь идёт о выкупе пленников. Однако он был не только хорошим воином, но и опытным переговорщиком, потому хранил молчание, ожидая, куда повернёт этот скорый в бою и не столь поворотливый в словах рус.

– А знает ли о пленении своего сына ваш почтенный джила? – неожиданно спросил рус.

– Какая тебе разница, воевода, мы хотим выкупить нашего кенде и предлагаем тебе хороший откуп, – не смог скрыть досады угорский начальник, остальные переговорщики тоже стали перешёптываться.

– Я это к тому, что у вашего джила есть враги давние – хазары, они же и наши враги. А нынче, после того, как мы уничтожили Хазарский Каганат, остатки хазар и присоединившиеся

к ним яссы и койсоги сбежали в Болгарию. Наш князь Святослав хочет справедливо наказать болгар за укрывательство беглецов. Мы могли бы сделать это вместе, русы и угры.

– У нас мир с Болгарией, – отозвался один из угорских темников. – Они нас беспрепятственно пропускают через свои земли, мы совершаем набеги на ромейские полисы, где берём много добра и пленников, за которых греки потом платят хороший выкуп!

– А те хазары, яссы да койсоги не с пустыми руками укрылись в Болгарской земле, много добра и злата с собой прихватили. А коли болгарский царь Пётр не станет мешать в сём деле, то его никто не тронет, договор рушить не надо, – мягко возразил киевский воевода.

Угры заговорили, заспорили меж собой, размахивая руками и горячо убеждая в чём-то друг друга.

– Давайте так, – подождав некоторое время, молвил Боскид, – про пленение вашего молодого князя никто не узнает. А вы лучше передайте вашему старому князю да другим вождям угорским, что киевский князь Святослав де приглашает их быть союзниками в походе на Болгарию будущим летом. И коли он согласен, пусть сын его сей договор скрепит своей печатью, а я имею полномочия от князя Святослава, и печать его – вот она, – воевода показал малую княжескую печать с соколом.

– А как же выкуп нашего кенеде?

– А что выкуп, – пожал плечами русский воевода, – коли станем союзниками, так тут же с выкупом и решим, и за князя молодого, и за жён да детей ваших....

Долго ряздились и спорили киевские темники да бояре угорские, наконец, ударили по рукам, потому как помнил воевода наказ Святослава про то, что надобно уграм силу русскую показать, да при этом постараться, чтобы в случае войны с Болгарией либо Византией, стали те угры на сторону русов. Да и что могли поделать мадьяры-угры, коли жёны да дети у киян в руках оказались, а не только князь молодой.

Когда привели нахохлившегося, подобно воробью в сырую погоду, молодого князя, угры встретили его приветственными возгласами. Прознав, что его не просто отпускают, но и просят подписать союзный договор, кенде быстро овладел собой и вновь стал собранным и уверенным. Угорские бояре да темники поклялись на мечях своих впредь не хаживать на карпатцев, а вместе с князем Святославом идти на Болгарию. И был составлен о том договор, скреплённый княжескими печатями. В знак доброго расположения угрин подарил Боскиду своего чудного коня, а воевода вручил князю добрую хазарскую саблю в ножнах, обложенных дорогими камнями.

– Гляди, воевода, – вздохнул облегчённо один из полутемников, – таки выполнили мы наказ княжеский, сговорили угру идти на Болгарию с нами.

– А куда ж им ещё идти, – на германцев путь заказан, Оттон их поколотил крепко, а перед тем ещё отец его, Генрих Птицелов. А то, что семьдесят лет тому болгарский царь Симеон вместе с их исконными врагами печенегами разорил Угорщину и великое множество семей мадьярских от мала до велика вырезал без жалости они, думаешь, забыли? Так что хоть нынешний царь их не трогает, но отомстить Болгарии они всегда готовы, – ответил рассудительный Боскид. – Наш князь, он не только мечом добре орудует, а и мыслью далекоглядной, так-то!

Забрав своих воев и семьи, угры потянулись прочь из земли Карпатской. Боскид же велел разделить военную добычу всем поровну, оставив серебро и злато для княжеской казны.

В ту ночь славяне могли уже спокойно развести костры и зажарить мясо. На сей раз на угольях заманчиво потрескивала жиром не только конина, но и баранина с яловичиной, которую ели с травами и ржаными лепёшками, запивая чистой родниковой водой, что оказалась в этих местах особенно вкусна и целебна. А потом тьма легла спать, выставив надёжную стражу, потому что видели воины, как от небрежности стражников, заснувших в ночи, наступил быстрый конец угров.

Утром к воеводе пришли местные жители, из тех, кто славил богов русских и чествовал их в день Великого Яра, а также в Овсени и на Коляду.

Люди те издавна жили в Карпатских горах, пасли овец на зелёных лугах, и каждую весну приносили агнца в жертву Яробогу. И радовались они, что теперь освобождены от угров, которые, как тати, рыскали по земле Карпатской.

И был среди них дед старый, которому все выражали почтение. Подошёл он к Боскиду, степенно поздоровался:

– Мир вам, люди добрые!

– Здрав будь, отец, – отвечал воевода. – Откуда ты?

– Это мольфар местный, волхв по-вашему, Любомиром зовут, – пояснил Боскиду Зорян. – Он-то нас к тебе и послал...

– Тут недалече, – махнул старик рукой, – колыба моя стоит. – Он внимательно глянул на воеводу, будто сравнивал его с кем-то.

– Что такое колыба? – не понял Боскид.

– Так мы в Карпатах называем дом свой. – О, земля Карпатская! – вздохнул старец. – Много страдала ты и много плакала. Но верили мы, что придёт день, и ты будешь смеяться, а плакать будут враги твои, и страдать будут так же, как ты страдала! Молились мы Белобогу и ждали освобождения. А две седмицы тому узрел я видение, богами посланное, и рёк в том видении муж ратный, с усами, как у тебя, только помоложе, – старик ещё раз взглянул на себе-седника, – что выстоит Русь Карпатская токмо в единении с Русью Киевской. Тогда я и велел Зоряну идти на восход солнца за подмогой к князю вашему. Вот нынче и дождались-таки! Теперь мы опять сможем вольно собираться у священных Дубов и решать всякие дела всем миром. Будем трудиться спокойно во славу богов наших, жён наших любить, деток растить, и песни Велесовы над зелёными полонинами слушать. Слава вам, воины русские!

И мольфар поклонился глубоким и долгим поклоном.

– Не нас благодари, а князя Святослава Хороброго, по чьему слову мы сюда пришли. Слава князю! – воскликнул Боскид, поворачиваясь к войску

– Слава! – прогремели полки.

Полетела русская слава над Карпатскими горами, поднялась на трепетных крыльях ввысь, овееяла леса и долины, и каждый камень, травинка и грудка земли малая ту славу услышали и впитали.

И принесли селяне кто белое льняное полотно, кто шкурку лисью или беличью, а иные понемногу зерна и проса, головку сыра козьего или овечьего.

– Не обессудь, воевода, – рёк Любомир, – мы люди бедные, отдаём последнее, что имеем. – Потом снял с плеча тяжёлую полотняную суму. – Я у здешних людей вроде знахаря, – пояснил он, – от хворей лечу, Веду малую знаю. Самому-то мне ничего не надобно, земля родная и кормит, и одевает, и лечит, и силу даёт. Всё, что за многие годы люди принесли, собирал в суму эту, и теперь отдаю от чистого сердца в казну княжескую!

Боскид взял суму, запустил в неё руку, а когда вынул, все ахнули от изумления – с ладони темника мерцающей струёй полились самые разные монеты: тут были греческие драхмы, римские и фракийские солиды, русские гривны, булангарские булгары, были арабские серебряные дирхемы и медные фряги, были деньги гданские, варяжские и германарики, – в основном серебро и медь, лишь изредка золото.

– Дякую, отче Любомир! – сказал растроганный Боскид. – От княжеского имени дякую тебе красно и всем жителям!

И стали приходиться в русский стан словены, бойки, гуцулы и лемки с данью, и шли до позднего вечера, а те, кто не успели, оставались у кострищ ждать утра, чтобы отдать русскому князю свой долг.

– Желаете ли, воевода, место священное наше посетить? Оно недалеко отсюда, – предложил мольфар Любомир.

– Что ж, отче, дело важное наши вои свершили, а значит, была в том подмога божеская, как же не поблагодарить Великих Родичей за помощь добрую, пойдём! – учтиво отвечал воевода.

– Тогда двинемся с тобою рано, до рассвета, чтобы там солнце красное встретить, – указал пальцем вверх старый ведун.

Они шли по горным тропам всё выше и выше: воевода, двое его охоронцев и старый мольфар.

– Будто прямо к небу поднимаемся, отче, – промолвил воевода.

– До неба не дойдём, но ближе станем, это точно, – ответил старик радостным голосом. И вот они оказались на вершине, где не росло ничего: ни дерева, ни даже кустика.

– Гляди, диво-то какое, – изумился Боскид, оглядывая вокруг поросшие густыми лесами горы и их вершины, – сию гору будто обрил кто, а все прочие зелены!

– Оттого она Лысой и зовётся, – кивнул старец. – Тут человек как на длани чистой перед Богами светлыми.

– Солнце красное восходит, – молвил зачарованно Боскид, восхищённый открывшимся видом дивно устроенного богами мира. – Слава Сурье! – он воздел к небу руки, приветствуя восходящее Светило, пречистую Сваргу и всех сущих в ней славянских Богов.

– Оборотись-ка, воевода, – велел мольфар после славления.

Боскид обернулся, и вдруг замер, удивлённо склонив голову.

– Гляди, отче, какая от меня огромная тень легла на склон и долину, а от тебя и охоронцев нету даже малейшей. Как так может быть?

– Место сие непростое, – молодо блестя очами, рёк мольфар, – тут каждый сам на сам с Богами беседует. Я вот тоже только свою великую тень зрю, а твоей не вижу.

– И я только свою, – почти хором ответили оба охоронца, поражённые небывалым зрелищем.

– Отчего так, отче? – боясь потревожить священную тишину необычного утра, тихо спросил воевода. – И что сие значит?

– Сие означает, что каждый из нас должен творить своё великое дело, не оглядываясь на другого. Всевышний освещает солнцем всех в равной мере, и в то же время ведёт с каждым из нас только свою беседу. И все наши дела – правые и неправые – открыты перед взором его, как на сей голой скале. И о том должно нам всякий час помнить!

Ворочалась дружина к Киеву, и с ней вместе под охраной сотни воинов шли возы с первой данью, – овечьими шкурами, тонкой и длинной карпатской шерстью, кожами, мёдом, деревянной смолой и берёзовым дёгтем. Пять тысяч угорских коней, круторогие волы, отары белых и чёрных овец, и всё добро на возах свидетельствовали князю русскому, что край сей отныне принадлежит ему.

А горы, у которых русская тьма разбила угров, стали впоследствии именоваться Бескидами. То ли в честь воеводы киевского, то ли, как пояснил мольфар, в честь древнего племени бессов, издавна жившего в сих краях и владевшего тайнами всяческого волшебства.

Глава вторая

Никифор Фока. Лета 6475(967), Константинополь

На большой медвежьей шкуре, брошенной на мозаичный пол, у давно погасшего очага, раскинув руки, спал широкоплечий черноволосый муж лет сорока с лишним, одетый в довольно ношенный пурпурный виссон.

Солнце уже поднялось над водою Босфорского пролива и заглянуло в узорчатое окно второго этажа, разбудив спящего, который по давней привычке почти всегда вставал с первыми лучами. Перевернувшись несколько раз с боку на бок и, сладко потянувшись, муж поднялся и подошёл к окну.

Розовые лучи осветили смуглый лик, обрамлённый густой с проседью бородой. Маленькие пронзительные глаза под густыми бровями задумчиво остановились на раскинувшемся внизу городе, при этом ноздри крючковатого носа чуть подрагивали. Наконец, оторвав взгляд от созерцания городской картины, муж зашлёпал босыми ногами в туалетную комнату, откуда стал доноситься плеск воды и довольные шумные возгласы. Из туалетной комнаты муж появился без одежды, мокрый до пояса. Он был среднего роста, широкая грудь, плечи и литая шея выдавали опытного закалённого воина. Однако впечатление портил округло выдающийся живот, отчего ноги казались короче, а рост ниже. Вытирая мягким полотенцем грудь, покрытую тёмным курчавым волосом, муж перевёл взгляд на образ Богородицы. Небольшая, не более трёх локтей статуя работы одного из лучших византийских скульпторов стояла в обрамлённом золотом и драгоценными камнями алькове справа от окна. Быстро одевшись, муж опустился на колени и принялся молиться. Он делал это не по привычке, а истово, вкладывая в слова молитвы сердце и душу. Закончив молитву, ещё некоторое время стоял на коленях, не произнося ни слова. «Как просто человеку беседовать с Богом, – вдруг подумалось ему, – и как сложно находить общий язык с его слугами...».

Поднявшись, муж подошёл к обширному ложу, так и оставшемуся нетронутым, и дважды дёрнул за висевший у изголовья шнурок. Раздались быстрые шаги по лестнице, и в комнату поднялся молодой воин, тут же распростёршийся ниц с почтительными словами:

– Приветствую твоё пробуждение, великий император! Да благословит святая Богородица каждый день твоего божественного правления!

Ромейский император Никифор Второй Фока жестом велел опциону подняться.

– Я вчера рано заснул, никто не приходил ко мне вечером?

– Нет, богоравный, никого не было, – ответил молодой воин.

– Хорошо, я хочу есть, пусть принесут сюда, – велел император. – Повар тоже пусть зайдёт.

Опцион поклонился, и его сандалии из крепкой воловьей кожи застучали по лестнице вниз. Спустя несколько минут воин вновь появился, пропустил вперёд повара и двоих прислужников, и остался у двери, строго следя за распорядителями царской кухни.

Поставив еду на низкий мраморный столик, помощники тут же исчезли, а повар застыл на коленях в выжидательной позе. Против обыкновения, личный повар императора не был тучным, даже несколько худощав.

Божественная десница, унизанная драгоценными перстнями, указала на жареную рыбу с овощами, отварную фасоль с подливой и мезе – традиционную лёгкую закуску из сыра с оливками, посыпанную орегано. Повар поочерёдно попробовал всё, затем осторожно распечатал красную амфору и налил в отдельный маленький кубок холодной белой рецины. Но император тут же выплеснул вино, так же, молча, наполнил свой изукрашенный камнями кратер и отлил из него в кубок. В помещении остро запахло сосновой смолой, которую греки издавна добавляли в вино, тем самым предотвращая его скисание.

Повар покорно выпил, император подождал немного, внимательно глядя на слугу, и лёгким взмахом руки отпустил его.

– Что богоравный василевс желает на обед? – спросил, опуская лоб на мозаичный пол, повар.

– А что предложишь? – спросил за Никифора оптион.

– Если на то будет воля Божественного, – забормотал повар, – мы бы приготовили рыбный суп «Посейдон», фаршированные оливки, сырный пирог – тиропиту, грушёвый десерт апидея и катафи с миндалём, корицей и мёдом...

– Годится, – отозвался, наконец, император. – Ещё яйца с икрой, а из вин не забудь «Мавродафни».

«Хоть и простые блюда ем, однако живот вон как разнесло, – вздохнул про себя правитель, когда повар ушёл. – Всё из-за этих бесконечных дворцовых приёмов, обедов, застойной жизни. Грешен, пристрастился... Да, а на сердце не по-весеннему смутно. Может из-за того, что Феофано последнее время избегает меня?» – думал, пережёвывая еду крепкими зубами, Никифор.

После завтрака император, по обыкновению, отправился на обход дворцовой территории, превращённой по его приказу в настоящую крепость.

К выходу Никифора Фоки во двор, там уже выстроились воины Армянской столичной тагмы и две сотни тяжёлых панцирных катафрактов – его любовь и гордость. Весеннее солнце играло на железном одеянии несокрушимых воинов, закованных с ног до головы, как и их могучие широкогрудые кони.

Патриарх Полиевкт и знатные горожане не раз упрекали императора, что он чрезмерно много тратит на армию, ущемляя подданных бесчисленными налогами. Никифор с негодованием отвечал, что все они имеют возможность раскармливать свои изнеженные тела и предаваться разврату только благодаря армии, без которой империя не проживёт и месяца. Ах, какая мощь, какая неодолимая сила в тяжёлой поступи железной конницы, кажется, даже стены дворца содрогаются от этой панцирной армады. Конечно, амуниция даже одного такого воина стоит немислимых денег, а уж сотен и тысяч...

Настроение императора после лицезрения любимого детища улучшилось.

Армянской тагмой, в состав которой входила с недавнего времени и Дворцовая гвардия, командовал Иоанн Цимисхес. Невысокий, стройный и по-особому молодцеватый Иоанн отдавал команды чётко, даже с артистизмом. Хотя они с Никифором были двоюродными братьями, Иоанн являлся полной противоположностью Никифору: белокожий, светловолосый, с голубыми глазами, тонким носом и аккуратной клинообразной бородкой. За свой невысокий рост он и имел прозвище «Цимисхес», то есть «туфля». Однако превосходил многих своей дерзостной отвагой. Казалось, Цимисхес вовсе не ведал страха: он мог в одиночку напасть на целый отряд, молниеносно изрубить множество врагов и вернуться обратно невредимым. За эту отчаянную храбрость и любил Никифор Фока своего родственника, и многое прощал ему. Он присвоил Иоанну почётное звание дуки, которое прежде имел сам.

В то же время при виде Цимисхеса сразу невольно вспомнились придворные сплетни о том, что сей отчаянный красавец, якобы спит с его женой Феофано. Но в эти слухи Никифор не верил, поскольку знал Иоанна, как верного и честного военачальника. Именно Иоанну он, Никифор Фока, во многом обязан своим царским титулом. Воспоминания о том удивительном взлёте на вершину власти ещё более подняли настроение императора. Сколь сладок был миг победы! Всё вспомнилось, будто и не прошло почти четыре долгих, как вечность, года.

Как тогда при триумфальном возвращении в Константинополь после победы над арабами смотрела на него прекрасная Феофано, как потускнел её взгляд, мельком скользнув по лицу безвольного, чаще всего нетрезвого супруга Романа, как искривились на миг пренебрежением её бесподобные уста. Потом несколько тайных свиданий и горячих, неистовых, как сражение,

ночей, после одной из которых она шепнула, прощаясь: «Ты будешь императором!» Поверил ли он ей тогда? Даже если и поверил, то не ожидал, что всё свершится так скоро. Никифор был в походе, когда до него дошли слухи о скоропостижной смерти императора Романа Второго. Феофано, соответственно закону, стала опекуницей малолетних наследников Василия Второго и Константина Восьмого. Но не всё сложилось точно так, как рассчитывала супруга покойного императора. Неожиданно для неё всеми делами стал распоряжаться бывший воспитатель Романа Второго, ненавистный ей евнух Иосиф Вринга, опытный в дворцовых интригах и изворотливый царедворец. Каково было ей, пылкой любительнице настоящих мужчин, терпеть фактическую власть женоподобного евнуха. Кто знает, сколь долго бы длилась эта борьба, если бы хитроумный Иосиф не перехитрил самого себя.

Зная о планах Феофано сделать императором своего любовника Никифора Фоку, Вринга решил нанести удар по храброму полководцу. Он направил честолюбивому, удачливому и до отчаянности смелому Иоанну Цимисхесу письмо, в котором сообщил «страшную новость» о том, что коварный Никифор Фока вознамерился занять императорский престол, а на этом престоле, он, Иосиф Вринга, видит только доблестного Иоанна, которому готов помочь обрести императорскую корону. Прожжённый царедворец решил одной стрелой поразить двух уток: вбить клин между братьями и нанести Никифору удар с той стороны, откуда он его ожидать не мог. Однако евнух, прекрасно владея приёмами дворцовой борьбы, не в полной мере знал обстановку в армии.

Цимисхес, получив письмо Вринги, задумался. Авторитет Никифора Фоки в войске, да и среди народа, был столь велик, что выступить против него, да ещё в союзе с презренным евнухом, мог только последний безумец. Иоанн поступил по-другому. Он прочёл письмо «искусственно сделанной бабы» в присутствии стратигосов, обожающих своего командира. Крики возмущённых глоток, требующих немедленного похода на Константинополь, был ему ответом.

– Презренный евнух, привыкший прятать своё толстое тело в прохладе царского дворца, пытается командовать нами, покрытыми шрамами и славой воинами! – бешено вращая единственным оком и вздымая обнажённый клинок, возмущённо рычал старый гоплитарх с седыми усами и почти белой бородой. Могучему командиру гоплитов эхом ответили подчинённые ему таксиархи.

– Наш император Никифор Фока! – выкрикивали стратигосы и гипостратигосы то с одной, то с другой стороны.

– На столицу! На Константинополь! – завопили турмархи и таксиархи. Их криками поддерживали кентархи и друнгарии банд.

Византийская армия тут же провозгласила Никифора Фоку своим императором и двинулась на столицу, чтобы «убедить» её в том же. Но убеждать константинопольцев не пришлось – столица встретила его, как настоящего монарха. После безвольных пьянствующих василевсов, Никифор, заботящийся об армии, проливающий кровь за империю, любящий своих солдат, был истинным героем! Встречать его вышла вся знать и высшее духовенство во главе с патриархом. То был самый великий и памятный день в его жизни. 11 августа 963 года патриарх Полиэвкт в блистающем великолепии соборе святой Софии торжественно короновал его, Победоносного Фоку, на императорский трон. А через месяц тот же Полиэвкт повенчал его с богоявленной Феофано. Это была не просто победа, а величайший триумф. Никифор Фока получил всё и сразу: высшую власть и прекрасную жену, он достиг самого большего, о чём только мог мечтать ромей! И никто не посмел выступить против победителя агарян, мужественного покорителя Крита и Кипра, хотя для друзей, а особенно монахов, это было полной неожиданностью. Ведь ещё недавно Никифор уверял, что его тяготит мирская слава первого полководца, и он мечтает только об одном – послужив ещё немного империи, удалиться в монастырь. Все знали, что сей доблестный и суровый воин постится и ведёт жизнь аскета, рав-

нодушного к земным благам, истязая плоть, носит грубую власяницу на теле. И вдруг... император, муж красавицы Феофано, дворцовая роскошь, быстро появившийся торчащий живот...

После утреннего прохождения дорогих его душе катафрактов и созерцания вышколенных стройных рядов Армянской тагмы, Никифор захотел лично убедиться, всё ли ладно в хозяйстве дворцового гарнизона. Вместе с Ионном Цимисхесом император стал обходить конюшни, казармы, пекарни, склады для амуниции и продовольствия. Правда, чтобы всё устроить по законам военной науки, как и подобает истинной цитадели, к неудовольствию горожан, пришлось снести некоторые старые дворцовые постройки и памятники: их камни пошли на укрепление стен. Приняв корону императора, Фока не перестал быть полководцем, для которого в войске нет мелочей, особенно когда дело касается снабжения провизией и амуницией.

Покончив с осмотром в укрепленном дворце, император-полководец отправился в войска, что стояли за городом. Пока небольшой отряд, сопровождавший императора, двигался по столичным улицам, Никифор не переставал ловить на себе угрюмые, а подчас и откровенно ненавидящие взгляды жителей. Он делал вид, что не замечает этого, как и злобных выкриков из толпы.

– Скажи, Иоанн, почему эти глупые люди ненавидят меня, ведь я делаю всё, чтобы империя жила и процветала...

– Тебе известно, великий, что прошлогодняя засуха в Пафлагонии и Гонориаде погубила сады, поля и виноградники, зимой начался голод. Люди надеялись, что хлеб из имперских запасов будет продаваться дешевле, но цены, наоборот, были повышены, – тихо ответил новоиспеченный дука. Помолчав немного, он взглянул на василевса и, что-то решив про себя, продолжил. – Кроме того, горожане возмущены тем, что брат императора, пользуясь своим родственным положением, скупает весь хлеб и перепродаёт втридорога, хотя каждый знает, что согласно закону Священной Империи, высокопоставленные лица не имеют права заниматься ростовщичеством или торговлей...

Никифор не проронил ни слова, лицо его помрачнело, и всю дорогу до военного лагеря он хранил молчание.

Вечером к нему, как обычно, явился старший евнух Василий Ноф, внебрачный сын императора Романа Первого Лакапина от славянской рабыни, которому Никифор пожаловал специально придуманную для него должность проедра, своего рода гражданского министра. Василий Ноф был незаменимым советником ещё у Константина Седьмого Багрянородного, но после смерти этого просвещенного императора, Василия оттеснил в тень другой евнух и ловкий царедворец, воспитатель Романа Второго, Иосиф Вринга. После устранения Вринги, как ярого противника Никифора Фоки, Василий снова вернул своё место у трона. Новый император доверял Василию, как никому, советы его были всегда дельны, точны и своевременны. Вот и на этот раз, доложив о делах государственных, Ноф не торопился уходить, как будто собирался сказать что-то ещё.

– Ну, что там у тебя, Василий, говори! – подбодрил Никифор евнуха.

Немного помолчав, Василий заговорил своим мягким высоким голосом.

– Не гневайся, божественный василевс, – начал он медленно, – но нам кажется, что великий дука имеет слишком много власти и влияния. Нет, нет! – замахал руками Василий, увидев, как недовольно покривились губы монарха. – В храбрости прославленного дуки нет никакого сомнения, всё дело в том, что... – проедр помедлил, подбирая слова, – как мне донесли евнухи, он... добывается расположения императрицы. Иоанн самолюбив, тщеславен, под его рукой Армянская тагма, которая может выполнить любой приказ. Его пребывание здесь таит опасность для тебя, о, богоравный, – закончил с поклоном Василий.

Желваки заходили на смуглых скулах императора, в глазах вспыхнули огоньки ярости, – Василий подтвердил то, во что ему не хотелось верить. За обтекаемым «добывается располо-

жения» Фока ясно прочёл «прелюбодействует». Справившись со вспышкой гнева, Никифор хрипло произнёс:

- Что посоветуешь?
- Было бы неплохо удалить Цимисхеса из столицы, – вкрадчиво предложил Ноф.
- Но я не могу удалить его без веской причины...
- Причина будет, великий василевс, – коротко ответил евнух.

А через два дня к императору явился эпарх Константинополя Сессиний. Вид его был таков, что правитель Византии от удивления даже приоткрыл рот. Градоначальник хромал на левую ногу, щека его распухла, а правый глаз не открывался вовсе из-за сильнейшего крово-
подтёка.

– Вчера, – с трудом ворочая распухшим языком, поведал эпарх, – моряки повздорили с солдатами Армянской тагмы, моряков поддержала портовая чернь, началась нешуточная драка. Я вместе с главным судьёй тут же примчался к месту, где учинился беспорядок, и вот..., – градоначальник осторожно прикоснулся кончиками пальцев к распухшему лицу. – Мы едва не погибли вместе с судьёй сами. Слава Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, сохранивших нас в том страшном побоище!

– Погибшие в беспорядках есть? – спросил мрачно император.

– Десяток трупов и более сотни раненых. Но дело даже не в этом: противники обещают поквитаться друг с другом. Нужно срочно что-то делать, иначе будет ещё хуже, – с тревогой закончил эпарх.

– Хорошо, я приму меры, – подумав, ответил император. – Не хватало ещё, чтобы доблестные воины гибли не на поле сражения, а в пьяных драках. Хорошо! – заключил он.

На следующий день город облетела весть, что Столичная тагма под командованием самого дуки Иоанна Цимисхеса отправляется для несения службы в далёкую византийскую фему Халдию.

После ухода тагмы Никифор Фока облегчённо вздохнул. Теперь нет нужды думать об измене жены с Иоанном, да и о брате Льве некому будет вести завистливую болтовню. Пусть каждый занимается своими делами и не суёт нос в чужие. Он даже не лишил Цимисхеса высокого звания дуки, но сам факт, что под командованием дуки не целая армия востока, а всего лишь Армянская тагма – само это уже достаточно сильный удар по самолюбию двоюродного брата Иоанна. Ещё бы, дука в роли тагматарха!

Да, всего четыре года прошло с того триумфального августа, а как всё изменилось. Пылкая Феофано поостыла к нему, считает грубым мужланом, иногда открыто морща свой носик от запаха его висиона, который император носил по военной привычке, долго не снимая. Бурные ночи «дикой» любви на медвежьей шкуре, на которой предпочитал спать Никифор, и что поначалу приводило Феофано в неописуемый восторг, сменились её равнодушием и отчуждённостью. В своём простом воинском сердце Никифор любил Феофано, не мог устоять перед её красотой и пылкостью. Но получалось так, что он мог командовать всеми: солдатами, армией, империей, покорёнными народами, но только не Феофано. Она так умела очаровать, упрямиться, разгневаться, так посмотреть своими синими очами, что Никифор терялся. Привыкший к армейской дисциплине, он был беспомощен в интригах царского двора, в которых его жёнушка была более чем искушённой.

Никифор тяжко вздохнул. Много, многое изменилось за это время, и не только в отношении жены! От ликования горожан при его триумфальном входе в столицу, до бросаемых нынче в спину укоров и обвинений, а то и обычных камней с грязью. Начеканив новых денег с изображением себя и своей покровительницы – святой Богородицы – Никифор объявил их ценнее, чем прочие номисмы с изображениями других императоров, хотя по весу они не отличались. Он выпустил также «облегчённые» номисмы – тетартероны, в которых было меньше золота, и приказал принимать их по номиналу. Однако государственные налоги требовалось

платить «полноценными» номисмами, а всякую выдачу из казны делали тетартеронами, от которых в Константинополе стремился избавиться каждый торговец. На рынках начался хаос, пошли протесты. Потом ещё этот голод... Всеобщее обожание сменилось ненавистью.

Воспоминания разворачивались, как многоцветный ковёр. Ещё с самого начала, с того дня, когда он, провозглашённый армией императором, под радостные крики вошёл в Константинополь, ещё тогда между ним и жителями столицы появилась первая «трещина». На следующий же день к нему пришли просители от горожан.

– О, прославленный мудростью и справедливостью, – выступил вперёд седой дородный торговец, низко кланяясь, – накажи воинов своих, которые ведут себя в столице империи, как в покорённом городе.

– Они буйствуют, грабят и насилуют женщин! – звенящим от волнения высоким голосом добавил другой знатный горожанин. Остальные тоже загалдели, высказывая своё негодование.

– Ну, уж, грабят да насилуют. Не может этого быть! – отвечал император. – Если кто-то и взял на память об этом значимом для империи дне какую-то безделицу, разве для воинов, отдающих свои жизни ради вашего спокойствия, этой безделицы жалко? Вижу, люди вы все не бедные. А что касается женщин, то воины им всегда нравились, что ж тут удивительного? Конечно, если муж узнал об измене, то каждая будет потом кричать, что её взяли силой, обычная женская хитрость, которая не стоит разговоров!

Никифор любил своих солдат и всегда был на их стороне.

Вспомнилась недавняя беседа с патриархом и епископами. Святые отцы выказали недовольство прекращением поступлений средств из государственной казны на нужды церкви. А как иначе, если проповедующие аскезу и усмирению плоти епископы тратят непомерные деньги на роскошную жизнь, дорогие дома, золото. Дворец патриарха ничем не уступает императорскому дворцу. А на требование Фоки признавать святым каждого воина, погибшего в бою, патриарх Полиэвкт и вовсе разгневался.

– Как можно признать святым солдата, который всю жизнь убивал, грабил и насиловал, никогда не соблюдал поста и заповедей? – с возмущением восклицал глава церкви.

– В Святом Писании сказано, что на небесах более радости будет об одном покающемся грешнике, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии, – ответил Никифор цитатой из святого Луки.

– Там же сказано, – снова возразил Полиэвкт, – «кто не несёт креста своего и идёт не за Мною, не может быть Моим учеником». Даже учеником, не то, что святым, ибо святость – не просто покаяние, это знак высшего подвига во имя святой веры!

– Не является ли высшим подвигом сама смерть во имя империи и христовой веры? – продолжал гнуть свою линию Фока.

– Святость – это служение Богу, отречение от всего мирского, пост, молитва, денные и ночные бдения. После смерти праведника – это источающие благоухание нетленные мощи и происходящие от них чудеса. Нет, нет и нет! – решительно заключил патриарх и сердито стукнул посохом, как бы прекращая спор на эту тему.

– Заботы великого монарха об армии похвальны, – мягким, даже несколько заискивающим тоном молвил один из пышнотелых епископов, – но служители церкви, проповедуя слово божье среди язычников, также оказывают Империи и Армии немалую помощь... – Увидев, как в ответ на его слова Фока слегка ухмыльнулся, он продолжил. – Сколько сот лет доблестная ромейская армия сражалась с мисьянами за безопасность границ империи. Так было до тех пор, пока усилиями Святой церкви удалось разделить монолит варваров на собственно язычников и христиан, которые становятся на нашу сторону. Теперь, конечно, можно и унижительной для империи дани им не платить, и послов по щекам отхлестать... – елеинный голос и подобострастная улыбка намекали на прошлогоднюю показательную «порку» послов Болгарии. Никифор едва сдержался, чтобы не ответить сладкоголосому епископу по-солдатски грубо, но всё-таки

стратег в нём взял верх над солдатом. «Ничего, язви своим злым языком, змея, раздобревшая на казённых деньгах. Только отныне ты с собратьями больше ничего не получишь из имперских запасов, – ехидно подумал император. – Эти деньги пойдут на армию, на железных катафрактов, а не в ваши бездонные ненасытные утробы...».

Да, прошлой осенью он действительно устроил показательную «порку» посланникам мисиян, прибывшим за традиционной данью. Он тогда только вернулся с очередными победами над арабами: взял плодородную Киликию и её сильно укреплённый город Тарсу, а также вернул империи остров Сицилию, ещё раз доказав силу непобедимой ромейской армии и свой талант стратега и полководца. И в это самое время угораздило явиться послов болгарского царя Петра.

Будь на престоле Болгарии Крум или Симеон, Фока без лишних разговоров отдал бы положенное. Но платить дань безвольному Петру, дети которого воспитывались в Константинополе, а страну раздирают распри и заговоры? За почти сорок лет царствования Петра Болгария сильно ослабела, всё-таки, чего кривить душой, во многом прав сладкоголосый епископ: святой церкви удалось-таки расколоть грозного соседа на язычников и христиан, а последние всегда тянулись к Византии. Но была здесь и своя обратная сторона. Ослабевшая Болгария теперь не могла исполнять подписанный с Византией договор о том, чтобы не допускать кочевников, а это в первую очередь племена ужасных мадьяр, к границам империи. Уже год, как бесхребетный Пётр подписал договор с мадьярами о том, что кочевники не будут разорять болгарскую землю, а болгары не станут чинить им препятствия в набегах на Ромею.

А теперь эти несчастные предатели ещё имеют наглость явиться за данью, и к кому? К нему, Никифору Фоке, божественному василевсу, сочетающему мудрость полководца с силой оружия империи! Это был или верх безумия окончательно запутавшегося в государственных делах Петра, или неслыханная наглость его царедворцев. В любом случае, Никифор пришёл в бешенство. Он принял послов при полном стечении всего двора, собранного по случаю празднования победы. Послы мисиян изложили цель своего появления, попутно намекнув, что Болгария желает продолжения династических связей между двумя государствами, которые хорошо бы закрепить браками византийских принцесс с сыновьями царя Петра. Победоносный Фока, облачённый в парадные одежды, в блеске всех царских регалий, вскочил, пылая гневом, с трона и воскликнул во всю силу мощного голоса, привыкшего перекрывать шум битвы:

– Ромеи, что слышу я?! Горе нам, силой непобедимого оружия обративших в бегство всех неприятелей! Выходит, что мы все эти годы предоставляли не средства на содержание жены Петра – внуки нашего великого императора Романа Лакапина, а, как последние рабы, платили подати грязному и низкому скифскому племени, которое не только не исполняет заключённого с нами договора, но и за нашей спиной сговорилося с врагами Империи мадьярами о беспрепятственном пропуске их войск к нашим рубежам?! А ныне, после кончины достойной царицы Марии, эти предатели заговаривают о новом династическом браке! – Он выждал паузу и, обернувшись к командиру стражников, приказал: – Нахлестать этих варваров по щекам и вышвырнуть вон отсюда! Пусть передадут своему грязному тулупнику, грызущему сырую кожу, Петру, что я, великий государь ромеев, Никифор Фока, в скором времени сам приду в его жалкую страну и сполна «отдам ему дань», чтобы он, трижды раб от рождения, научился именовать ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников!

Закончив громогласную речь, Никифор обвёл собравшихся грозным взглядом. Большой зал Магнаврского дворца замер, и на некоторое время воцарилась тишина. Потом он взорвался возгласами одобрения и криками:

– Да здравствует император!

– Слава императору!

Это было так похоже на тот миг, когда армия провозгласила его василевсом. Следовало закрепить успех! И Никифор велел войску готовиться к выступлению против Болгарии.

Однако, заняв несколько пограничных укреплений у подножия Родопских гор, император остановился: со всех сторон стекались неблагоприятные вести. Оттон Первый, помазанный Папой в императоры Священной Римской империи, намеревался захватить византийские владения в Южной Италии, чтобы заставить Никифора признать его императорский титул. На востоке вновь обретали силу арабы. Да и у подножия Родопов василевс чувствовал себя неуютно: он помнил ужасную судьбу императора Никифора Первого, который вторгся в Болгарию и взял большую добычу, но на обратном пути в горных ущельях его войско было наголову разбито болгарским ханом Крумом. Император попал в плен и был казнён, Крум сделал чашу из его черепа и, похваляясь, пил из неё на пирах. «Нет, сейчас воевать с Болгарией не с руки», – решил Никифор и вернулся в Константинополь. Здесь он начал готовиться к походу на Сирию, чтобы сначала покончить с арабами. А что же делать с Болгарией? Надо бы отвлечь её внимание внутренними распрями, заговорами, вспышками недовольства подданных, а ещё лучше – какой-нибудь войной...

За дальними пределами Византии, пожалуй, более всех тревожил императора предводитель самых опасных и воинственных из скифов Сфендослаф. Кому, как не ему, Никифору Фоке, под чьей рукой находились отряды присланных архонтиссой россов воинов, было знать, сколь сильны и опасны в бою эти не ведающие страха варвары. Не раз он, опытный полководец, дивился их силе и стойкости, особенно при взятии Крита. Две сотни россов могли без страха разметать тысячу отборных воинов, не выказывая при этом ни бахвальства, ни бурной радости своей невероятной победой. Нет, этих страшных скифов лучше иметь союзниками, пусть символическими, но союзниками.

Император вызывал главного трапезита, архистратигоса Викентия Агриппулуса, который подробнее рассказал о неукротимом архонте россов.

– Сфендослаф опасен, как стратег и воин. За одно лето он уничтожил могущественный Хазарский Каганат и покорил все воинственные народы Альказрии. Об этом тебе, о, мудрейший, уже поведал в прошлый раз старший стратигос Каридис, чудом вырвавшийся живым из Фанагории. Мало того, в лютую зиму того же года, когда болота и реки в тех землях от невероятного холода становятся твёрдыми, как железо, и хрупкими, как стекло, когда всё живое прячется от стужи в норах, а человек без одежд из шкур просто погибает, оказавшись в лесу или в поле, в это суровое время Русский Пардус пошёл на Волжскую Булгарию и покорил её.

– А твои стратигосы, разве они не научили булгар, как правильно воевать против этого, как ты говоришь, Пардуса? Или то были плохие стратигосы? И что значит это слово – пардус?

– Это были лучшие стратигосы, великий, они обучали булгар целое лето и начало осени, а когда подул Борей, вернулись в империю. Весной, после того, как просохнут дороги, они должны были повести булгар и буртасов на страну Росс, но ... весной уже некого было вести, – тяжело вздохнул архистратигос. – А «пардус» по-славянски значит «барс» или что-то в этом роде. Самый быстрый хищник. Я бы сказал – и самый непредсказуемый, потому только дикому снежному барсу могло прийти в голову воевать зимой.

– Невероятно, где же ночевали россы в такой жуткий холод? – удивлённо спросил император.

– Очевидцы говорят, прямо в снегу, там, где их заставляла ночь.

– Но человек не может спать в снегу, ты сам, архистратигос, только что сказал об этом, – вскинул мохнатые брови Никифор.

– Так и есть, – невозмутимо ответил Агриппулус, – человек не может. Но это не совсем обычные люди, это варвары из страны Росс. Они способны не только спать на снегу, но даже купаться в смертельно холодной для человека воде, прорубая для этого в замёрзших реках лёд.

Услышав это, император невольно поёжился и замолчал. Ему приходилось иногда в горах пить воду из холодных источников. Зубы ломило от холода, а ладони, которыми зачерпнул

воду, деревенели, но тогда вокруг было тепло и светило солнце. Купаться в такой воде, да ещё когда от холода замерзает сам воздух, невероятно!

– Нам нельзя медлить, богоподобный, – снова заговорил Агриппулус, – ведь Сфендослаф, покончив с Хазарским Каганатом и Волжской Булгарией, всё больше укрепляется по берегам Понта Евксинского и Меотиды. Он сжёг дотла Фанагорию, захватил Таматарху и Пантикапей. Некоторые из подчинённых ранее империи полисов сами перешли под руку россов. Один из топархов даже побывал в их столице Киеффе и получил поддержку лично от катархонта. Гераклеийский полуостров, Херсонес и оставшиеся верными нам полисы под угрозой, они взывают о помощи. А ещё, великий, мои люди доносят, что в Киммерийском Боспоре Сфендослаф строит большой флот: сотни морских кораблей, куда они пойдут? – Викентий, оглянувшись по сторонам, вполголоса произнёс: – Сей воинственный скиф после укрепления на востоке хочет двинуться на Болгарию. Прошлым летом он едва не дошёл до Дуная, да с полпути вернулся укрощать какой-то мятеж.

– Ты допускаешь, что он может свершить задуманное в этом году? – с тревогой в голосе спросил император.

– Сей варвар ни перед чем не остановится, – отвечал архистратигос. – И что горше всего – он прошлым летом подчинил мадьяр и заключил с ними союзный договор. А Болгария – последний рубеж на его пути к Империи. Если Аскольд, Ольг и Ингард приходили грабить Константинополь, то отчего эта же мысль не может прийти в голову Сфендослафу? А один этот росс, о великий, стоит всех арабов, Оттона и мадьяр, вместе взятых!

Никифор впился в лицо Викентия своими пронзительными чёрными глазами, не упуская ничего из доклада. А когда тот закончил, спросил, обращаясь к нему по-воински просто.

– Скажи, Викентий, ты давно и верно служишь Империи, что подсказывает твой опыт, можно ли нашего потенциального врага превратить в союзника?

– У меня есть мысли на этот счёт, но принимать их или нет решать тебе, о великий! – произнёс тайный архистратиг, склонив голову в почтительном поклоне. – Я знаю человека, который лучше любого другого сможет найти общий язык с россами.

– Излагай! – велел император, и вновь сверлил Викентия маленькими уголками глаз, иногда задумчиво прикрывая их. – Хорошо! – наконец обронил он. – С твоим планом я согласен, но человек, который отправится к повелителю россов, у меня есть. Вели от моего имени немедленно вызвать херсонесского стратигоса Аполлинария и его сына Калокира в Константинополь. Я знаю его по боям за Крит, это верный человек и настоящий воин, а сын его хорошо знает скифские нравы и владеет их речью.

Про себя император решил, что Русскому Барсу будет понятней и проще найти общий язык с воином, нежели с изощрённым в премудростях дипломатии посланником, которого предложил начальник Тайной Стражи.

– Будет исполнено, богоравный! Что же касается Болгарии, – заметил Агриппулус и бросил короткий вопрошающий взгляд на Фоку. – Может, с учётом нынешних осложнений, стоит смягчить отношение к Петру и пообещать старому мисянскому правителю столь желанный для его сыновей брак с нашими принцессами? Пусть Борис и Роман приедут в Константинополь, надо же им с невестами познакомиться? – хитро усмехнулся Викентий. – А потом мы оставим их у себя, как ценных заложников. Если на то будет твоя божественная воля, мои люди отправятся с этим поручением в Болгарию в ближайшие дни.

– Пусть будет так, – согласно кивнул после некоторого раздумья император.

Начальник Тайной Стражи распростёрся на мозаичном полу, а затем удалился так же тихо, как и вошёл.

Глава третья

Соколиная охота. Лета 6475(967), Киев

От прошлой до нынешней весны киевский князь совершил много походов – наводил порядок в землях покорённых хазар, койсогов и волжских булгар. Гонял свою конницу от одной границы до другой, и сам шёл с дружиной, как пардус, лёгкий и грозный. И являлся повсюду на белом коне, как Перун Громоразящий, махая мечом, будто молнией. Одних неприимимых врагов уничтожил, других заставил подчиниться его руке и дать клятву на верность Киеву. Но часть хазар, яссов койсогов да кочевых булгар ушла от его грозных мечей аж за Дунай, в Болгарию. Там они и осели под крылом престарелого болгарского царя Петра. Святослав решил тем же летом обрушиться на них и уже двинул войска к Дунаю. Да вятичи, прознав о том, «отложились» от Киева, и дружине пришлось возвращаться на Оку. А там и на Волге, и в Альказрии понадобилась твёрдая рука князя.

Много добра несли те походы, и много горя. Воины, возвращаясь, везли с собой воинскую добычу. А другие принимали смерть на полях брани. Но Святослав восполнял дружину и снова бросался в сечи, словно не мог насытиться пьянящим звоном мечей и ратных подвигов.

Молодёжь со всех концов разросшегося Киевского княжества шла в Ратный Стан, и казалось, откуда только берутся эти юноши, один другого выше и крепче. А начальники обучали их всем правилам воинского Устава: как мечи отбивать, как стрелы и копья точить, уздечки и сёдла чинить, поторочные сумы готовить, как за конём своим боевым ухаживать и чем мазать ему копыта. И были то будущие десятские и сотские – надежда войска киевского.

Князь Святослав, едва вернувшись в Киев к Яровым дням, как водится, поспешил в Стан, где, став на возвышении, внимательно глядел, как молодые начальники постигают ратную науку. Вот он знаком остановил «схватку» и подозвал запыхавшегося и раскрасневшегося юного воина.

– Рубишься добре, да только забыл, что не за себя в бою ответ держишь, – строго молвил князь. – Ты должен сотню свою не то, что оком, спиною, всем телом чутать, на то ты и сотник! А тысяцким станешь, за всю тысячу ответ держать будешь, да всем воинам своим примером служить! – веско закончил князь, чтобы и другие юные начальники те кони воинские накрепко запомнили.

Тем временем к нему неслышно подошёл Варяжко. Увлечённый учебными схватками Святослав увидел изведывателя, когда тот был уже в шаге от него.

– Ты, брат, совсем манеру своего начальника перенял, будто тень ходишь, – одобрительно отозвался князь. – Нет ли вестей от него?

– Княже, – как всегда негромко, чтоб слышал только Святослав, начал помощник начальника Тайной стражи, – Ворон сегодня в ночи вернулся, доложить готов тебе обо всём, что узнать смог в земле Болгарской.

– Про византийское посольство, что два дня тому прибыло, что скажешь? – вместо ответа спросил князь.

– Во главе сего посольства Калокир, сын хорсуньского воеводы. Пришли под надёжной охраной, по всему, поклажа непростая у них. Купцы, что по пути к ним пристали – шутка ли, дармовая защита от кочевников – баяют, будто тех кочевников ни единого даже поблизости не видели.

– Выходит, безопасность сего посольства с самых византийских верхов обеспечена? – глянул внимательным оком Святослав.

– Думаю, что так, княже, – подтвердил изведыватель.

– Скажи Ворону, – промолвил князь, – жду его у себя в шатре после вечерней поверки. Да кликни темников старых, Притьку с Инаром. Сам же выясни к тому времени всё, что сможешь, про этого Калокира.

– Будет исполнено, княже, – слегка поклонившись, Варяжко так же тихо и быстро удалился.

Вечером четверо названные князем собрались у него в шатре. Ворон выглядел ещё не совсем отдохнувшим после дальнего и нелёгкого путешествия, но, как всегда, собран и молчалив. Святослав обнял его.

– Ну, Варяжко, реки, что узнал о посланнике визанском, – повелел князь, когда все разместились.

– Калокир, сын хорсуньского стратигоса Аполлинария, – начал помощник Тайного тиуна, иногда заглядывая в бересту, – обучался в ихней гимнасии, где преуспел более всего в плавании, борьбе и стрельбе из лука. Славянскую речь понимает, потому как и отец его, и сам он сызмальства знаком с проживающими и торгующими в Хорсуни славянами. Я многих наших купцов да охоронцев порасспросил про сего мужа молодого, никто о нём худого не слыхивал. Отец его был вызван в Царьград, куда отправился вместе с сыном. И Калокир был представлен императору Никифору Фоке, от коего лично получил звание патриция и указание возглавить посольство на Русь, – закончил краткую речь Варяжко.

– Негусто разузнал, – подытожил Святослав.

– Да что там разузнавать, – пожал могучими плечами коренастый Инар, – сам, княже, встретишься с посланником, там и прояснится, кто он и зачем пожаловал.

– Эге, брат Инар, – усмехнулся Варяжко, – разве не ведомо тебе, что византийцы молвят одно, а думают другое?

– Зачем посольство прибыло, догадаться можно, – пробасил Притька. – Ты, княже, в Тьмуторокани и Корчеве лодии строить повелел морские великие. Потому Византина в беспокойстве, не собираемся ли мы град Хорсунь да иные полисы греческие отобрать, а может, опасаются, что на Болгарию или на сам Царьград пойдём теми большими лодьями.

– Пусть Византия думает что хочет, а мы своё делать будем, – обвёл присутствующих твёрдым взглядом Инар.

– А поведай-ка нам, Ворон, что вызнать удалось в земле Болгарской, – обратился к изведывателю князь.

Тайный тиун заговорил, как всегда негромко, потому темники затихли и невольно обратились в слух.

– Болгария, княже и братья темники, как вам ведомо, страна непростая, потому как образовалась от смешения славянских да болгарских родов, а теперь и вовсе закрутилось там такое, что и не разберёшь сразу. – Ворон помолчал, обдумывая, потом продолжил. – С соседом своим беспокойным, Византией, часто войну вела, била греков, да в последнее время ослабла сила её и единство. Многих из болгар сумели ромеи в свою греческую веру обратить. Но предыдущий болгарский царь Симеон, хотя и был христианином, греков бивал крепко и силой добился того, что кичливая Византийская империя была вынуждена признать его не только болгарским, но и ромейским императором. «Симеон, волею Христа Бога самодержец всех болгар и ромеев», – прочёл Ворон с какого-то свитка. – А болгарская церковь впервые заимела своего личного патриарха, чего, отродясь, не было. Нынешний же болгарский царь Пётр, в отличие от отца своего, истый поклонник всего византийского. Отношение к Руси тоже изменилось. При Симеоне купцы наши свободно шли через Добруджу, издавна именуемую Малой Скифией. Селились там наши люди с древних времён, торговлю вели. Оттуда потом текли товары в Византию, Грецию, Италию, по всей Европе. При Петре же, особенно в последнее время, болгарские купцы всё более препятствий движению нашего товара чинят.

– Ещё и хазар с койсогами приютили, жаль, в прошлый раз не дошли руки. Коли б не вятичи, задали бы им ещё прошлым летом! – горячо отозвался Притыка.

– Не всем это в Болгарии по нраву, – продолжил изведыватель, – да и в самом дворце царском, как и в державе, согласия нет. Прямо сказать, слаб стал Пётр для царской ноши, годами состарился, считай ведь, сорок лет страной своей правит. Недавно император царьградский Никифор Фока велел послов болгарских, что за ежегодной данью пожаловали, по щекам отхлестать и выгнать прочь.

– Ого! – воскликнул от удивления Инар. – За такое спуску давать нельзя. Неужто, болгары смолчали?

– То-то и оно, что смолчали, – ответил Ворон. – Мало того, Фока своё воинство на Болгарию двинул, да в горы сунуться побоялся, тем более что агаряне снова на Визанщину войной пошли.

– А с чего это Фока так вдруг на болгар разгневался? – спросил старый Притыка.

– Как ему не гневаться, коли у них договор подписан, что болгары не должны пропускать угров на границы империи, а у Болгарии сейчас и сил-то нет, чтоб с Угорщиной схватиться. Говорю же вам, братья темники, не просто там всё в земле болгарской. Одни из болгар готовы хоть сейчас к Византии присоединиться, как братья по вере, другие ненавидят греков так же, как и мы, и славянским богам по-прежнему молятся. Третьи, хоть и христиане, а мнят о сильной Болгарии, как при Круме да Симеоне было. Македонские же славяне восстания поднимают, сербский князь Чеслав вовсе изгнал болгар из Рашки.

– Дела, – протянул Притыка, озадачено почесывая литой затылок, – проела гниль визанская Болгарию, что шашель дерево.

– А вот мы по тому дереву стукнем, да и узнаем, где гниль, а где ещё крепко! – сверкнув на темников очами, молвил воинственный Инар. – Надо наказать их за пособничество тем хазарам с яссами да койсогами, коих Болгария приютила!

Всем четверым собравшимся в шатре Святослав доверял, как самому себе. Это было малое коло тех, с кем он держал совет прежде всего, и был уверен, что ни одно его слово не долетит до чужих ушей.

– Ладно, – отозвался князь, – послушаем, что посланник Фоки скажет, тогда и решим окончательно. Завтра назначаю посольству византийскому приём в тереме княжеском, и всех вас, братья темники, прошу быть при сём.

Пышное византийское посольство чинной нарядною гурьбой втекло в большую гридницу нового каменного княжеского терема. Святослав его не любил, предпочитая холодному камню привычное дерево, но именитые посольства иногда принимал там, дабы мать не обидеть, и чтобы любящие важность иноземные посланники могли той важностью насладиться.

Святослав сидел на Игоровом троне в праздничном княжеском одеянии: расшитой белой рубаше, синих портах, на плечах – подаренная матерью белая шёлковая епанча, искусно расшитая греческими девами и застёгнутая на плече мудрёной фибулой, исполненной киевским златокузнецом вместе с застёжками на рукавах, сделанными в виде маленьких наручей. Кабардинский меч в серебре отделанных ножнах и красные сапоги, надетые по совету Ворона, завершали его наряд. Сгрудившиеся у трона старые темники и именитые горожане тоже были одеты торжественно.

Глава греческого посольского двора в Киеве вышел немного вперёд, поклонился князю и заговорил распевным голосом, представляя ромейского посланника.

После этого сам патриций Калокир, отделившись от посольства, с учтивым поклоном обратился к князю на хорошем славянском.

– Будь здоров, пресветлый князь Руси Святослав, сын Игоря! Слава о твоих подвигах летит по свету быстрее ветра. Император Великой Ромеи, богоравный Никифор Второй Фока, желает тебе новых побед, доброго здравия и многих лет мудрого правления могучей державой Россов.

А ещё, Великий князь, Фока шлёт тебе и твоей доблестной дружине пятнадцать кентинариев золота, дабы подтвердить верность и незыблемость договора между Империей и Русью о взаимной любви, заключённого твоим отцом, достославным князем Игорем, и нашими императорами Романом, Константином и Стефаном лета 944 от рождества Христова...

Бояре и темники переглянулись между собой: пятнадцать кентинариев золота! Это же, сколько пудов будет? Двадцать восемь? На десять тысяч воинов хватит! Неспроста сей щедрый дар, ох, неспроста!

– Русь всегда слово данное крепко держала и договору, отцом моим подписанному, мы верны, – подтвердил князь и метнул быстрый вопрошающий взгляд на Калокира. Тот чуть помялся.

– Пресветлый князь, – осторожно, будто нащупывая ногой тропу в полной темени, молвил посланник, – в империи ходят всякие слухи, в том числе и такие, что, якобы, после завоевания Хазарии, войска россов готовятся к новому большому походу и уже строят для этого флот у Таматархи и Пантикапея... – Святослав вскинул брови, и Калокир поспешно продолжил. – Империя должна быть уверена в безопасности своих северных границ, а также подвластных ей отдалённых торговых городов и климатов...

– Проще говоря, в безопасности Хорсуньского климата, что на полуострове Таврика, который вы называете Гераклейским, так, я понимаю? – продолжил мысль посланника Святослав, глядя на него пронзительным синим взором.

Улыбка и лёгкий поклон Калокира ответили Святославу, что они верно понимают друг друга.

– По тому договору взаимной любви, – продолжил византийский посланец, – обещали мы друг другу помощь воинскую в случае нужды. Сейчас такая нужда настала. В то время, как арабы нападают на империю с востока и юга, болгарский царь Пётр, нарушив договор с Империей, тайно сговорился с мадьярами, и те, беспрепятственно проходя через землю мисян, разоряют наши северные пределы.

– Никифор Фока желает, чтобы я дал ему своих воинов, как посылала их императору Роману Второму моя мать, княгиня Ольга? – Спросил Святослав, не отводя взора от посланника.

Патриций Калокир опять чуть смутился, и ответил:

– Богоравный ромейский император Никифор Второй Фока понимает, что славный своими победами князь россов желает расширить пределы своих владений богатыми землями и новыми торговыми полисами. Поэтому царствующий Никифор Фока не станет возражать против похода россов в землю мисян, если Русь гарантирует Империи защиту от варварских орд мадьяр. Это выгодно и Руси, и Империи...

Под каменными сводами от неожиданного предложения византийского посланника установилась необычная тишина. Так вот за что Фока предлагает золото! – опять понимающе переглянулись темники.

Святослав, чуть подумав, обратился к Калокиру.

– Важные дела не делаются с наскока, – молвил князь. – Мы посоветуемся с боярами и дружиной и дадим императору Фоке свой ответ. А пока я приглашаю тебя, почтенный посол, побывать на соколиной охоте, игрища наши воинские поглядеть да угощений русских отве-
дать...

– Твоё приглашение, пресветлый князь, великая честь, и я с радостью его принимаю, – низко поклонился Калокир. Из наставления, данного в Константинополе, он знал, что род князя Святослава происходит из варяжского племени ободритов, которые называют себя наследниками Сокола. Особо ценят они за благородный нрав, силу и стремительность, белого сокола-кречета, и потому размещают его очертание на своих червлёных парусах, стягах и щитах. Родной дед князя носил это гордое имя Рарога-Сокола. Потому для ромейского послан-

ника приглашение сие имело глубокий смысл и значение, и он искренне благодарил грозного киевского князя.

На следующий день Святослав выехал на соколиную охоту, и сокольничий дал ему лучшую боевую птицу, белого кречета из Двинской полуночной земли.

Калокир, сопровождаемый небольшой свитой, ехал подле князя.

– В Греции тоже охотой с хищными птицами издревле занимались, – молвил патриций, – в странах полуденных, как мне рассказывали наши купцы, ваши северные птицы очень ценятся, каждая такая птаха – целое состояние, – кивнул он на белого кречета на плече у владельца Руси.

– Птица-то эта из дикомытов, – гордо пояснил иноземцу помощник сокольничего, видя, с каким интересом глядит византийский посланник на княжеского сокола.

– Что означает слово «дикомыт»? – не уразумел Калокир.

– Это когда сокол первую линьку в дикой своей обители прожил, а не в неволе. Там ведь никто еду не подаст, пока сам не поймает, – пояснил словоохотливый подручник сокольничего. – Потому такой сокол лучший охотник, нежели гнездарь, который был взят на вынашивание птенцом из гнезда....

Князя сопровождали молодые бояре, которые заслужили это звание в сражениях с Хазарией и Волжской Булгарией, скрещивали свои булатные клинки с яссами, касогами, многими другими храбрыми противниками и вышли из сражений с победой и честью. И потому были отмечены князем высшим званием «боярин», что значит «вой ярый», который ставит честь и служение своему народу и князю выше собственной жизни.

У всех бояр также сидели на плече у кого соколы, у кого ястребы, беркуты или перепелятники, а на правую руку была надета рукавица из толстой бычьей кожи. Поднимали бояре птиц в небо, а потом лихо свистали, и добычки возвращались назад, садясь на руку и цепляясь когтями за рукавицу. Если сокол не торопился возвращаться, то сокольничий или кто-то из его помощников доставал из сумки вабило – крылья птицы, связанные меж собой, с привязанным посредине куском мяса – и подбрасывал его вверх.

– Скажи, – вновь обратился любопытный Хорсунянин к сокольничему, – а отчего на голову одних птиц надеты шапочки, а у других нет?

– Клубочки надевают только на сокола, – пояснил тот, – он видит добычу на большом расстоянии и начинает атаку, когда сам охотник ещё не заметил дичь. Сокола потом трудно найти, пока охотник поспеет, он может склевать добычу и сытым улететь на два-три дня. Поэтому соколу снимают клубочек и выпускают только тогда, когда дичь близко. А у ястреба, скажем, иная манера охоты: ястреб бросается на добычу, если та взмётывается на расстоянии сто-двести шагов. Если добыча дальше, то ястреб даже не обратит на неё внимания.

С превеликим интересом наблюдал за удивительной забавой россов византийский патриций.

А киевский князь бросал быстрые цепкие взгляды на лицо молодого посланника.

Вот Святослав снял шапочку с головы своего сокола и подбросил его вверх.

Княжеская ловчая птица поднялась выше других. Описывая широкие плавные круги, сокол зорким оком высматривал добычу. Он первым узрел серую утицу, что, не ведая опасности, вылетела из камышовой заводи. Молнией, почти сложив крылья, метнулся пернатый охотник на добычу и сбил её одним махом, будто калёной стрелой. Стременной, пришпорив коня, вихрем полетел к месту падения утки.

Святослав снова взглянул на молодого византийца. Красивый лик посланника сиял увлечённостью, а в момент, когда сокол сбил добычу, Калокир восторженно взмахнул рукой и прищёлкнул пальцами. Князь подумал, что хорсуньский посланник либо великолепный лицедей, либо действительно человек непосредственный и честный, что было совершенно неожиданно для византийца, а тем более для патриция.

Княжеский сокол снова взмыл в небесную голубизну, и опять его атака была удачной, хотя победа не столь быстрой. Серый гусь в последний миг почуял врага и встретил его отчаянным сопротивлением. Боевой клёкот сокола и гусиный крик, удары сильных крыльев, разлетающиеся в стороны перья. Железные когти хищника оказались сильнее, гусь с окровавленной головой и повреждённым крылом, беспомощно кувыркаясь в воздухе, рухнул на землю. Сокол Святослава в третий раз поднялся ввысь, но из поднятых загонщиками с глади речной заводи птиц уже никого на его долю не осталось: одних добыли другие соколы, другие успели скрыться в камышах. Увлечённая охотой птица сделала ещё несколько кругов в вышине и стала снижаться.

– Ты гляди, на пичугу малую напал, вишь, как его боевой задор взял! – воскликнул кто-то из бояр. Святослав, подняв глаза, увидел, как его сокол, на лету изловив малую птицу, с победным клёкотом отпускает её, а затем снова настигает и хватает своими железными когтями, играя, как кошка с мышью. Князь поднёс два пальца к губам, чтобы свистом позвать разбойника, но тот в последний миг ударом железного клюва порешил жертву, и она безжизненным комочком полетела к земле. Сокол спикировал и сел на неё больше для порядка.

Князь призывно свистнул, а когда сокол сел на руку, стал ему выговаривать:

– Отчего ж ты напустился на пичугу малую, а не нападаешь на гуся или лебедя? Пичуга малая на покровительство одного бога Птичича полагается. Лёгкая победа над безоружным противником не делает чести воину. Разочаровал ты меня, братец. Оставайся-ка на лето в соколовне, а я не желаю с тобой больше полевать-охотиться!

С этими словами Святослав передал птицу сокольничему.

Молодые бояре, стоявшие подле, с улыбкой переглянулись между собой.

– Князь с птицей говорит так, будто она разуметь может... – тихо произнёс кто-то.

Острый слух Святослава уловил эти слова.

– Как все звери и птицы подвластны Велесу и поконам его, так и нам, воинам, должно следовать поконам Перуновой Правы. И я, как князь, если увижу, что кто-то из вас, бояр, на беззащитного нападает или слабого обижает, отошлю вон в луга коней пасти! И будет он там с пастухами мудрость травную да звериную постигать, покуда не уразумеет, что Богами нашими на всё сущее одни Коны положены...

Молодой византиец, приподняв черную серповидную бровь, сосредоточенно вслушивался в слова русского князя, стараясь постичь их смысл.

Соколиная охота закончилась поздно, воз Хорса уже покатился к закату, когда дружинники повернули назад. Когда въезжали в Киев, Святослав обратился к Калокиру:

– Как посланнику императора понравилась соколиная охота?

– Великолепно, пресветлый князь! Я много об этом слышал, но воочию увидел только сегодня, – учтиво склонив голову, ответил византиец.

– Тогда добро пожаловать завтра в Ратный Стан, где наши молодые воины игрища устраивают да удалую молодецкой тешатся, – предложил Святослав.

– Благодарю, у нас подобные состязания легионеров любимы всеми и посещаемы, буду непременно!

На следующий день в Ратном Стане между юными дружинниками проводились игрища.

Перед началом Святослав вышел на поле и обратился к юношам, принимавшим Перунову клятву, со своим словом князя и воеводы.

– Всегда помните и блюдите Уставы Перуновы. Первый Устав – чистота и порядок. Каждый воин должен беречь своё ратное снаряжение, меч и копьё блюсти острыми, припасы иметь необходимые, о чистоте тела и духа заботиться. Второй Устав Перунов – соблюдение Правы. Воин должен Правде прямо в очи смотреть и лика от неё не отворачивать. Быть храбрым, и славу воинскую в честном бою стяжать. Лучше в поле с честью пасть, чем псом трусливым бежать. Тому позор вечный, кто сечу самовольно оставит и врагу покажет затылок. Отсюда

третий Устав Перунов – начальников почитать, наказы их старательно исполнять, в бою, походе и на отдыхе всегда друг друга поддерживать. А наипервейший из Уставов – землю свою любить, отцов-матерей почитать и Богов наших славить, которые есть прибежище наше и сила, отныне и во веки веков! Теперь же покажите ваше умение, порадуйте молодой силой и удалью во славу земли русской!

Начались воинские состязания. Юноши метали копья, пускали стрелы, перескакивали лошадьми через несколько копий, поставленных в ряд. Имена сильнейших объявлялись во всеуслышание перед всем Станом.

Старые темники с интересом поглядывали на царьградского посланника, который дважды был удостоен чести вначале сопровождать князя с лучшими молодыми боярами на соколиной охоте, а теперь вот присутствовать на воинских играх.

– Видно, князь хочет показать Византиине силу и выучку воев русских, – высказал догадку молодой Притыка старому.

– Вряд ли, – с сомнением молвил старый темник, – про то Царьграду доподлинно известно ещё со времён Олега Вещего, а про победы наши они, будь уверен, от изведывателей своих узнают прежде, чем кияне.

– Так почему сему посланнику честь такая, отче?

– Князь наш знает, что делает, а надобно будет, так и мы узнаем. Гляди-ка лучше, какие добрые вои у нас выросли, хоть сейчас в сечу! – Старый Притыка издал восторженный крик, больше походивший на рык могучего зверя, подбадривая победителя.

Святослав глядел на молодых воинов, что тешили своею удалью да ловкостью, и опять косил глазом на посланника. Видел князь, как забирает Хорсунянина схватка борцов, как вспыхивают его очи после каждого особо точного выстрела лучников. Ишь, как загорается сей Калокир от потехи воинской!

Когда закончились состязания юношей, в круг вышли раззадоренные удалью святославовы молодые бояре – отчаянные темники и тысяцкие. Тут уж зрителям добавилось огня в крови и восторженного блеска в очах. Свист, хохот, дружеские подначки и одобрительные возгласы витали над Ратным Станом.

Вот ещё двое вышли в круг, сильные и уверенные, закалённые в боях, где быстрота мысли да сноровка тела проверяется самой смертью. Некоторое время они неспешными пружными от сдерживаемой до поры силы шагами кружили в середине кола, неотрывно глядя друг другу в очи, дабы уловить даже не движение супротивника, а мысль о нём. Коренастый тысяцкий Северской тьмы пардусом ринулся на супротивника, стараясь ухватить его десницей за шею, да в последний миг тот увернулся от железной руки и сам, обхватив тысяцкого за пояс, рванул его вверх, дабы опрокинуть наземь. Но ловкий тысяцкий обвил своей ногой, будто смоляной вервью, ногу супротивника, и тем не дал ему завершить бросок. Ещё через миг оба, не удержавшись, рыча и извиваясь, стали кататься по прошитому корнями пырея песчаному полю. Едва один оказывался сверху, как в тот же миг другой умудрялся сбросить его и сам старался зажать соперника в тиски могучих рук. Наконец, вои Северской тьмы дружно взревели, засвищели и запрыгали на месте – их тысяцкий сумел так заломить в прочном «замке» руку и шею супротивника, что тот уже не мог вырваться и застучал ладонью оземь.

– А что, патриций, – вдруг обратился князь к посланнику, – не желаешь ли силушкой в борьбе помериться?

Уста Хорсунянина тронула лёгкая улыбка, он кивнул, вскочил и сноровисто принялся снимать верхнюю одежду, готовясь к схватке. Грек оказался ладно скроен, крепкие мышцы волнами заходили под загорелой кожей, когда он стал разминать суставы рук и ног. Стоявшие вокруг одобрительно закивали, оценивая тело атлета, отточенное многими упражнениями. Многие воины молодой дружины, даже если и были сильнее грека, но такой точёной статью похвастать не могли.

Младой сотник под ободряющие возгласы соратников вышел в круг, кипя нетерпеливой решимостью, уверенно переступая по истоптанному песку. Карие очи патриция вспыхнули огнём поединщика, в коем нет места ни страху, ни робости. Сотник сразу бросился на Хорсунянина, как дикий камышовый кот, но с ходу не смог одолеть супротивника. Не удалось это ему и вдругорядь. Распалившись от неудачи ещё более, он в третий раз кинулся в бой совершенно отчаянно, и тут же поплатился за горячность, распластавшись на песке после ловкого броска Хорсунянина. Вскочив на ноги, сотник ещё стремительнее метнулся к супротивнику, и снова полетел на истолчённый ногами песок. Раскрасневшийся от падений и обиды молодой сотник готов был броситься в новую схватку, но его остановил своим хриплым окриком старый полутысяцкий Хорь, строго следивший за ходом поединка. Перечить судьбе в кругу не полагается, и сколь ни раззадорен был молодой сотник, но приказу подчинился, хоть и набычившись да недовольно сопя. Юноши криками приветствовали победу византийского посланника, тот, улыбаясь, поднял правую руку со сжатым кулаком и пошёл одеваться.

– Послушай, Хорь – тихо молвил Варяжко, подходя к полутысяцкому, – а ты против посланника никого из более опытных борцов не мог выставить? Не по чину как-то получается...

– Эге, – хитро прищурился старый воин, – с добрым поединщиком хочешь – не хочешь, а стараться изо всех сил будешь, а вот в схватке с тем, кто слабее, суть человеческая сразу видна. К тому же не хватало ещё, чтобы посланник заморский увечье получил...

– Ну и смекалист ты, Хорь! – одобрительно усмехнулся Варяжко и, вернувшись на место, что-то вполголоса сказал князю. Тот качнул головой и тоже спрятал улыбку в усах.

Ему пришлось по нраву, что Калокир с менее опытным противником своим превосходством не кичился, достоинства воинского не уронил, и «добить» лёгкую добычу не пытался. «Занятно, – думал про себя князь, – вчерашний ли урок на соколиной охоте усвоил посланник, или он таков есть на самом деле? Поглядим, сущность людская в деяниях проявляется».

Когда византийские послы, обмениваясь впечатлениями, отправились в свой Гостевой Двор, в шатре Святослава собрались старые темники. Но их в Киеве осталось мало, посему князь велел собраться на Военный Совет также полутемникам.

– Братья, – молвил князь, когда все уселись кружком вокруг трёх подсвечников с зажжёнными свечами, – все вы ведаете, что прибыл к нам от византийского императора Никифора Фоки посланник Калокир, родом из Хорсуня-града. И явился он не с пустыми руками, а с золотом многим и с просьбой, чтобы мы пошли на Дунайских болгар, кои беспрепятственно пропускают угров через свои земли, а те беспокоят империю постоянными набегами и разорениями. Вот по сему делу хочу я услышать, что мыслите вы, братья-темники.

– Выходит, не достаёт у Визанцины сил с болгарами справиться! – молвил темник Звoryка. – А не лучше ли нам с ними объединиться, да вместе по грекам и ударить?

– И я слышал, что болгары к Руси по-доброму относятся, и хоть с Визанщиной они одной веры ныне, но не любя она болгарам. – Поддержал его Берестянский воевода Васюта.

Темники один за другим брали слово со своих мест, и каждый рёк своё мнение.

– Мыслю так, что укрепиться нам надо после сражений многих, подготовить сильную дружину, прежде чем о новом походе помышлять, – молвил кратко один из начальников.

– Поход на Дунай тому не помеха, а напротив, подспорье доброе. К тому же греки злато дают. А там вольются в наши рати болгары, что Цареградщиной недовольны. Тогда можем и по самому Царьграду ударить! – блеснул очами Путята, который, в отличие от Блуда, не попал в большую опалу за грабёж поселян, а был лишь переведён в полутемники.

Темники и полутемники стали высказывать краткие замечания, но больше слова никто не брал.

Когда большая часть воинских начальников высказалась, и гомон стал помалу утихать, поднялся Святослав.

– Братья, – молвил он, – посланник Калокир сослался на договор, подписанный между Русью и Византией князем Игорем, отцом моим, и тогдашними императорами Романом, Константином и Стефаном. По сему договору уже больше двадцати лет между Империей и Русью существует мир, добрый ли, худой, но мир. Мы, русы, всегда держали данное нами слово и никогда не нарушим его первыми! Более того, по указанному договору Византия имеет право на нашу помощь против совместных врагов. Болгарский царь Пётр нарушил договор, вот император и просит русского князя, то есть меня, помочь ему наказать болгар и воспрепятствовать бесчинствам мадьяр-угров. И я не вправе отказать ему, поскольку это было бы нарушением договора о союзнничестве. Калокир прав в том, что сия война выгодна для нас. Покорив Хазрский Каганат, мы получили Волго-Донской ключ к торговле с Асией и вернули земли на востоке, принадлежавшие Великой Русколани. Поход на Болгарию даст нам Дунайский торговый ключ и вернёт полуденно-заходные земли, что некогда также принадлежали нашим пращурам. И то, что мы возьмём всё это сами, без разрешения Фоки или кого иного, Византии стало ясно, как день, вот и торопится царь «позволить» нам поход на Дунай. Дунайские земли – колыбель славянская, отсюда они расходились к морям Варяжскому, Студёному, Русскому и Средиземному, в края иные, но всегда о родине помнили и сюда возвратиться мечтали. Оттого долг перед предками нашими и славными временами Трояновыми мы исполнить обязаны. Что же до договора с Империей, то его либо исполнять надобно, либо с Византиной воевать. Воевать нам с ней сейчас нет резону, знать, к болгарскому походу готовиться, и весь сказ! – заключил он решительно, для верности рубанув воздух могучей десницей.

И ярый рык верных военачальников прозвучал в ночи дружным эхом.

– Наказ мой таков, – молвил Святослав, подняв десницу и призывая всех к тишине. – Из Волжской Булгарии оставленных там опытных темников Свенельда с Боскидом в Киев вызвать, а вместо них ты, Инар, со своей Варяжской тьмой пойдёшь в помощь Издебе. Будешь исполнять и воинскую службу – у покорённых князей и народов порядок наводить сильной рукой – и Тайную Стражу блюсти, потому как много хитрых изведывателей посылают в те земли и византийцы, и германцы, арабский халифат и прочие, прочие.

– Понял, княже, – крякнул Инар, который уже зрел себя в предстоящем походе. Да видно князь посчитал, что присутствие Варяжской тьмы важнее на восточных рубежах.

Переговорив ещё с темниками о предстоящих делах, князь отпустил их и поехал в терем, поскольку мать-княгиня ждала его вечерять.

На другой день в полдень помощник начальника теремной стражи Кандыба-Пётр с виноватым видом протиснулся в светлицу, когда Святослав беседовал с матерью.

– Что стряслось, Пётр? – недовольно сдвинула брови княгиня. – Не видишь, заняты мы с князем.

– Дак, это..., – лик охоронца стал ещё более виноватым, – беда, мать-княгиня, посланник византийский разбился!

– Как разбился? – вскочила Ольга с широкой лавы, – насмерть, что ли?!

– Да жив, как будто..., – всё так же испуганно отвечал теремной страж.

– Прости, – молвил князь матери, спеша к двери, – я скоро!

– Всё ладно было, – оправдывался молодой гридень у княжеского крыльца, – с Торжища мы возвращались с посланником. Тут вдруг шум, крики сзади, куры с кудахтаньем врассыпную – лошадь с возом понесло по улице. Глядим, а возница-то отрок годов двенадцати, белый весь, как полотно на сушке, а сзади в него девчушка вцепилась и того меньше. Едва они пронеслись мимо, двое из наших вдогонку кинулись. Тут посланник греческий коня своего вороного пришпорил и оказался впереди всех. Догнал Хорсунянин лошадь, да за узду её, остановить норовит и тем замедлить воз пытается. Затрещали оглобли, заржали лошади, мы в последний миг детишек подхватить успели, как воз пошёл вместе с поклажей кубарем. Посланник так крепко лошадь за узду держал, что когда та тоже падать стала, из седла вылетел.

– Что с ним? – нетерпеливо спросил Святослав.

– С рукой плохо, руда хлещет, его второй гридень на Капище к волхвам повёз.

Святослав привычно взлетел в седло своего коня.

На Капище князь увидел посланника стоящим рядом со старым жрецом возле кумиров. Лик Калокира был серьёзен, он внимательно прислушивался к негромкой речи кудесника, который только что вправил ему плечо, зашил распоротую обо что-то острое руку и щедро умастил душистой мазью ушибы и ссадины. Князь остановился поодаль, чтобы не мешать волховской беседе. Смерив взглядом ладную фигуру посланника с головы до ног, понял, что страшного ничего не случилось. Видно, борцовская сноровка спасла Хорсунянину жизнь, а синяки да ссадины заживут быстро. Удивила Святослава именно эта серьёзность и внимание посланника к словам волхва. Византийцы обычно на Капище не хаживали, напротив, свысока относились к славянской вере, а тем более не интересовались кумирами. Цепкая память князя быстро извлекла всё, что рассказывали волхвы и Ворон о Хорсунь-граде и его обитателях. – Ага, вспомнил, Хорсунь – град особый, некогда построен он был древними таврами и наречён именем златоликого полуденного бога Хорс-сунь – «Хорс-Солнце». Потому, хоть и давно уже там живут в основном римляне да греки, но вера христианская как-то одновременно с остатками православия древнего соседствует. Ворон сказывал, что тайно даже некоторые из знатных хорсунян древним богам поклоняются. Калокир своей отвагой, воинским духом, а теперь и уважением к богам славянским всё больше нравился Святославу. Он жестом подозвал охоронца.

– Передашь посланнику, что после вечера я жду его в своём шатре.

Они беседовали вдвоём. Князь пристально взглянул на молодого посланника и уловил волнение в его очах, будто Калокир хотел сказать нечто важное, да не решался.

– Скажи, почему тебя, живущего в далёком Хорсуне, а не вельможу из Царьграда Никифор Фока избрал посланником в таком важном деле? Он хорошо тебя знает, или ты раньше выполнял подобные поручения императора?

– Нет, пресветлый князь, я беседовал с императором впервые, а убедил его, что я справлюсь с подобной важной миссией, мой отец. Он всегда мечтал о моём продвижении при дворе, особенно после того, как императором стал Никифор Фока, под началом которого отец сражался и был ранен при взятии Крита. После этого Никифор Фока назначил моего отца Аполлинария стратигосом Херсонеса.

Тут чело посланника засветилось решительностью, и он заговорил быстро и горячо.

– Херсонес – мирный торговый полис, да и прочие наши селения. Мы любим торговать, веселиться, делать вино, выращивать пшеницу и овощи. Мы ценим свободу и дружбу с окрестными народами. Я хорошо знаю россос, с детства дружил с теми, кто живёт в Херсонесе, знаю, что вы крепко держите слово... – от волнения молодой посланник запнулся.

– Я ведаю, – продолжил Святослав, – что каждый муж, рождённый в Хорсуне, даёт при достижении совершеннолетия клятву на верность родному граду, и клятву ту её жители блюдут с достоинством. Я разумею, что приехав сюда с дарами от императора, ты, Калокир, вперворадь стараешься защитить свой град от наших мечей. Это достойно мужа, а стены твоего града до сих пор покоятся на основах стен, сложенных могучими таврами. – Князь умолк на мгновение, а сердце посланника замерло в ожидании решения грозного собеседника. – Храня град свой, вы храните и память наших предков, в камне застывшую. Потому вот тебе слово моё княжеское: не станем мы рушить Хорсунь, пусть и далее мирно живут в нём люди, пусть шумит торжище и радуются дети, для наших клинков и без того дел хватает...

Подтверждая договор взаимной любви 944 года между Империей и Русью, Херсонесом и Киевом, пусть Византия не препятствует Руси в овладении торговым Дунайским ключом и выплачивает ежегодную дань, а Русь обязуется не посягать на византийские полисы на Герак-

лейском полуострове по всем полуночным берегам Понта Евксинского, а также будет защищать кордоны Византии от угров. Так и передай своему императору Никифору Фоке.

Посланник поклонился в ответ и радостно заверил, что сегодня же отправит в Константинополь своих гонцов с доброй вестью.

Святослав задумчиво помолчал. Потом придвинул чашу, в которой было налито привезённое Калокиром греческое вино.

– Когда мыслишь, патрикий, в обратный путь тронуться?

– Мой отец сказал, лучше, если я останусь пока у тебя, князь, как залог верности императорского слова, – ещё несколько взволнованно молвил молодой хорсунянин, открыто глядя на грозного князя.

– Выходит, твой отец крепко верит Никифору Фоке, так крепко, что готов в залог оставить своего единственного сына... – размышляя вслух, произнёс Святослав, переведя взор на тёмную поверхность вина в чаше.

– Мой отец много раз стоял в бою рядом с Фокой, когда тот ещё не знал, что станет императором. Ты, великий князь, тоже воин и знаешь, что в схватке сразу видно, кто есть человек по сути своей. Фока никогда не отделял себя от солдат, не прятался за их спины, спал, да и сейчас спит на земле, подстелив лишь медвежью шкуру или конскую попону. Он никогда не гнался за роскошью, и многие друнгарии тагм, или даже банд, одеты роскошнее, нежели их начальник. Ты сам, могучий князь россов, живёшь так же и поймёшь меня лучше, чем наши вельможи.

– Я вижу, отец и тебя воспитал настоящим воином, – одобрительно молвил князь. – Тогда давай выпьем за истинных воинов, которые всегда поймут друг друга!

Несмотря на жаркие летние дни, кузнецы на Подоле работали день и ночь, сменяя друг друга, из горнов полыхало нестерпимым жаром. Кузнецы, как Огнебоги, рассыпали сонмища искр на наковальнях, уханье тяжёлых и звон малых молотов раздавались по всей округе. Скорняки на Кожевенном Яру выделывали кожи для многочисленных ремней и сёдел. На берегу Почайны лодейщики тесали бруссы для новых лодий, а прокопченные смолокуры усердно мазали днища и пропитывали тяжёлые пеньковые канаты растопленной смолой. Правда, опытный глаз приметил бы сразу, что многих мастеров, в том числе и лучшего лодейщика Орла нет в Киеве.

Далеко в Корчеве, стоящем на берегу Боспора Киммерийского, работа тоже кипела в полную силу. Орёл с красными от недосыпания глазами появлялся в разных концах большой лодейной стройки. Тут лес доставили и непременно надобно принять, оглядеть, на что он сгодится. А там новую лодию закладывать начали, важно, чтоб не упустили чего сразу, а то потом много сил понадобится, чтоб недочёт исправить.

Послышался шум и возмущённые крики. Мастер увидел, что наперерез бежит рыжий десятник с густой копной волос, схваченных кожаным ремешком.

– Орёл! – издали сердито кричит он. – Пенька-то кончилась, да и пакли на раз понюхать осталось, мне две морские лодии конопатить да снаряжать, а чем?

– Так ведь вчера ещё привезти должны были! – так же громко отвечает главный лодейный мастер. И они торопятся вдвоём к дальним каменным магазинам, где продаются нужные припасы. Через некоторое время оттуда слышится хриплый голос Орла и излишне громкий голос десятника. Дородный грек с наметившейся на макушке лысиной и ранней проседью в чёрных курчавых волосах, с доброжелательной улыбкой на смуглом лице, ничуть не смущаясь, выслушивает крики десятника и строгую речь главного лодейного мастера.

– погоди, чего трезвонишь, будто пожарный колокол! Твой глас шум морского прибоя заглушает, и о том, что пакля у тебя кончается, я ещё вчера слышал, – со спокойной улыбкой отвечал грек.

- Так, где она, если вчера слышал, где пенька-то? – размахивал руками десятник.
- К вечеру будет тебе пакля, на пять лодий хватит. А про пеньку голову мне не морочь, какая оснастка, когда судно ещё не законопачено и не просмолено.
- Так мне ж пеньку ещё смолить! – не сдавался десятник.
- Она уже просмоленная будет, – успокоил крикливого собеседника грек.
- Ну, гляди у меня, Кардопулус, – пригрозил увесистым кулачищем рыжий, – ежели что, откардопулю тебя так, что надолго запомнишь! – Продолжая ворчать, десятник пошёл к своим лодиям.
- Теперь ругаться будет, аж до самого берега, – засмеялся грек.
- А с тебя, Кардопулус, всё как с гуся вода, – усмешка тронула усталый лик лодейного мастера.
- Э-э, Орёл, жизнь моя купеческая такая, подешевле найти, немного дороже продать. От таких горластых, как десятник этот, отвертеться, да разве ж только от него? Там лодейщики за перевоз цену гнут, здесь десятину в казну, всем только давай, давай. Так и вертись, словно змея морская в рыбацких сетях... – с напускным горестным видом вздохнул купец.
- Ну, уж ты, брат, совсем извертелся, доходяга! – расхохотался мастер, слегка хлопнув крепкой дланью по упитанному чреву купца. – Тебе деньги считать, а мне вон ещё две насады на воду спустить до Купалина дня надо.
- Тебе ли, Орёл, о том переживать, сколько лодий за свою жизнь в плаванье пустил...
- Эге, брат Кардопулус, всё одно переживаю всякий раз, как море мою лодью примет, – сразу стал серьёзным мастер, глядя на раскинувшуюся голубизну залива. – Может принять с любовью, а может и не принять, тогда жди беды: рассерчает и вышвырнет на мель, или того хуже, о камни в щепу разможит.
- Знаю я вас россос, – махнул рукой грек, – выдумываете много всякого. С морем, будто с живым, разговариваете, ветру молитесь, солнцу, как богу поклоняетесь. Чепуха всё это, мы вот одному Иисусу молимся, и хватает, как видишь! – и он почти любовно огладил своё тучное чрево.
- Чепуха, говоришь? – прищурил свои орлиные очи мастер. – А помнишь, как прошлой осенью твой друг, купец из Пантикапеи, решил дом поставить у самого моря? Когда я спросил, а договорился ли он об этом с морем, вы оба долго смеялись над моей «варварской простотой». А что осенние да зимние Буривеи с той постройкой сделали, а?
- Так кто ж знал, что такие огромные каменья море может разметать, как простую гальку. Ничего, на ошибках учатся. Он теперь на холме дом возводит.
- То-то и оно, – без улыбки молвил мастер. – Море – оно, в самом деле, живое. Когда я прихожу к нему на мовь, а по лику морскому большие волны ходят, то сначала прошу впустить меня в его бурные воды. Оно на несколько мгновений как раз в том месте, где я стою, волну смиряет, подхватывает меня и несёт прочь от пенного прибоя. После, как воздам хвалу водам его живым, снова прошу Могучего отпустить меня на берег. Море вдругорядь в этом месте замирает и выносит меня на песок невредимым. А ты попробуй хоть раз так сделать, а, купец?
- Я больше к термам привык, да и не люблю много плескаться, – рассмеялся грек. Потом спросил, будто невзначай. – А на что вашему князю столько морских лодий, большую торговлю вести будете?
- Моё дело лодии строить, а для чего они, не моя забота, – ответил лодейный мастер, а по лику его пробежала едва заметная тень. «Лукавит грек, ведь добре ведает, что не торговое снаряжение на лодьях наших, а боевое, – подумал про себя Орёл. Как это он не спросил, будет ли князь на спуске сих лодий на воду? Кому-кому, а Кардопулусу ведомо, что Святослав несколько раз на строительство наведывался, да и сам топор в руки с охотой берёт. Впрок пошла князю наука лодейная», – с некоторой гордостью думал мастер, вспомнив, как едва не потонул князь в отрочестве.

Мастер на несколько мгновений забыл о Кардопулусе, глядя на зелёно-голубой перелив красок моря: он зрел прошлое. Снова видел себя на берегу Почайны с топором в руках и рядом загорелого отрока с красным от жары и стараний ликом. Юный князь, вытирая пот с чела, с волнением глядит, как принимает его работу сам Орёл. Главный лодейный мастер тряхнул головой, прощаясь с возникшим образом. Да, много воды утекло с той поры из священной Непры в море. Изменилась Русь, сбросила с окрепших рамен хазарского упыря, а потом и вовсе в схватке жестокой прикончила. И всё это под водительством того старательного отрока, а ныне увенчанного победами многими князя Святослава, именуемого Хоробрым Русским Пардусом. Лик старого мастера осветился, будто засиял изнутри от благостных мыслей. Ведь и его дар, умение, да и топор искусный, тому делу общему служит. Вон сколько больших да надёжных лодий срублено для грядущего похода. Издавна во многих кораблях сила Руси была, и сейчас именно ему, мастеру Орлу, выпало ту силу воссоздать, есть ли большее счастье для руса? Лодейщик взглянул на грека и усмехнулся: ну как о том великом счастье – быть нужным Роду – расскажешь вёрткому купцу, коли для него счастье в пенязях многих да домах роскошных только и может быть? Поди, объясни такому, что не золото, а память людская да нужные творения мыслей и рук человеческих остаются на земле после нашего ухода в жизнь вечную...

Отцветали липы, тянулись к небу жита с просами, кипела белопенным цветением гречка, люди возили первое сено и готовились к празднованию Купалы, а вокруг Киева – от Подола до Почайны – всё гремела копытами конница, кромсая подковами траву и ломая кусты.

В Берестянской пуще с раннего утра шло необычное движение, суета и беготня. Живена с затуманенными от горя очами, полными слёз, готовыми вот-вот пролиться, управлялась по хозяйству. Давала отрывистые наказы двум работникам, которых смогли нанять себе Лемеша после получения доли добычи в Хазарской войне. Её муж Звенислав внешне был спокоен: деловито и не торопясь проверял боевое оружие и перемётные сумы, иногда, скосив очи, придирчиво поглядывал, как управляется его младший сын Младобор. Если замечал какую ошибку, тут же поправлял, делая это как бы между прочим.

После утренней трапезы, за которой все были необычайно молчаливы, даже работники, все вышли проводить отъезжающих. Стоя у крыльца нового добротного дома, который только срубили мастера и теперь украшали резьбой, Звенислав ещё раз напомнил работникам, чтоб прилежно помогали остающимся на хозяйстве женщинам. Затем обнял жену, которая уже не могла более сдерживаться и разрыдалась во весь голос горько и отчаянно. Беяна тихо плакала, прижимая к себе деток, а Младобор поглядывал на неё тоскливым взглядом. Она подошла к нему, обняла и поцеловала на прощанье. Ярослав тоже обнял, а Цветенка вцепились в рукав, не отпуская своего любимого и самого доброго дядю, который придумывал так много всяческих забав и удивительных историй. Несмотря на жару, всем стало как-то пусто и холодно. Мужчины, с трудом оторвавшись от цепких рук провожающих, торопливо взметнулись в сёдла и тронули коней. Все остались стоять у крыльца, только безутешная Живена всё не отпустила руку сына и шла рядом с конём, обливаясь слезами. Когда дом уже скрылся за пышными кустами орешника, она отпустила руку Младобора и вцепилась мёртвой хваткой в стремя мужа.

– Звенислав, – запричитала она сквозь рыдания, – прошу тебя, умоляю, кланяйся Святославу, проси его, чтоб последнего нашего сына не забирал на войну, ведь он брат его молочный, я же их вместе выкормила!.. Не переживу я, если и с Младоборушкой что случится, скажи князю, Звенислав..., – стонала убитая горем Живена.

Старый огнищанин растерянно оглянулся на сына, который и вовсе не мог понять, что это с горя нашло на его мать и, причём здесь князь Киевский. Звенислав слез с коня, отвёл жену чуть в сторону, обнял, и, поглаживая её вздрагивающие от рыданий плечи и враз согнувшуюся спину, проговорил медленно, с трудом, негромко, но твёрдо:

– Не могу я, милая Живенушка, про такое князя просить. Мы с Младобором мужи здоровые, не убогие, а значит, в час войны должны быть воинами. Так исстари заведено, а коли не будем того блюсти, погибнет земля наша под чужими копытами. Не могу я, не по Прави это – пользоваться тем, что тебе выпало выкормить таких двух богатырей, как Святослав и Младобор. То честь великая материнская и слава, но говорить князю я о том, а тем паче просить не буду, прости! – Лемеш отстранил жену, поцеловал в последний раз и вскочил в седло. Огрел коня по крупу плетью и поскакал прочь, не оглядываясь, а вслед за ним полетел растерянный сын. Потом уже перед самым Киевом, когда пустили коней в тени деревьев пощипать скудной измученной засухой травы, а сами сели передохнуть, Младобор решился спросить:

– Неужто, правда, отец, что я молочный брат самого князя Святослава?

– Правда, сынок, – вздохнул Звенислав, – перед природой-то все равны, что князь, что смолокур. Княгиня Ольга уже в летах была, когда боги ей дали сына, потому молока не было, из теремных не хотели кормилицу брать, лишние разговоры. Мы тогда ещё вблизи Киева жили однодворцами, как и сейчас. Однажды, когда мать с тобою на руках возле нашей хаты сидела на завалинке да тебя грудью кормила, конный какой-то появился. Вида важного, одет добротню, подъезжает к ней и спрашивает, сколько дитятке от роду, да хватает ли молока, а сама здорова ли. Потом попросил, чтоб хозяйина, то есть меня, кликнула. «Что за притча такая, – думаю, – какое дело этому важному мужу до Живены и тебя малого?» Поговорил тот муж со мной, он княжеским теремным оказался, в двух словах объяснил, что к чему, и клятву крепкую взял, никому о том не говорить. В общем, стал ты, Младоборушка, жить в тереме княжеском вместе с мамкой, которая тебя и князя нашего молоком своим вскормила, – закончил рассказ Звенислав. – Когда Святославу годок исполнился, князь Игорь приставил к нему кормильца Асмуда и отправил в Новгород, в свою вотчину, значит. А княгиня нам подарки хорошие дала, только попросила для жилья другое место сыскать, вот мы и переселились...

– Чудно, – раздумывая о том, что услышал, вымолвил сын, – выходит, в самом деле, я молочный брат самому князю..., – повторил он.

– Ты, сыне, про то никому сказывать не должен, такой уговор у нас с княгиней Ольгой был, и покуда жива она, не смеем мы слова данного порушить, уразумел?

Сын только, молча, кивнул в ответ: а как же иначе, коль слово дадено?! Да и не поверит никто, если расскажешь, на смех только поднимут и за болтуна пустого считать будут.

– Ну, отдохнули, пора в Ратный Стан, – и отец с сыном поскакали по пыльной дороге к городским воротам.

Ушла к восточным рубежам тьма Инара, а из Волжской Булгарии вернулись Свенельд и Боскид.

В Киеве греки на Торжищах стояли хмурые, часто собирались в своих гостевых дворах и о чём-то долго переговаривались. Жидовины опять скупали муку, мёд и туки с елеем, а Горазд тряс их тайные схроны и наказывал за повышение цен.

Огнищане ждали благодатных дождей, но трава желтела под жгучими лучами, и колосья бессильно клонили головы. Люди то и дело поглядывали на небо, следили за полётом ласточек и щупали соль в корытцах. Но та была сухая и сыпалась, как песок.

Старики качали головами и рекли, что это недобрый знак.

А когда зацвели перуновы батоги, возвещая, что наступил месяц златоусого Громовержца, Святослав призвал Варяжку из Тайной Стражи.

– Что скажешь, о чём люди рекут?

– Известно о чём, княже, о войне. Многие удивлены твоим договором с императором византийским, а ещё тем, – Варяжко понизил голос, – что ты, княже, его посланца Калокира к себе приблизил, он с тобою повсюду: и на охоте, и в ратном стане, и в гриднице...

Святослав помолчал, взглянул на Варяжко и молвил:

– Вижу, ещё что-то есть у тебя, говори!

– Бывший темник Блуд просит тебя снять с него опалу и позволить идти в поход Дунайский, – глухо заговорил Варяжко, зная, сколь неприятно сие князю. – Только снова был замечен в домах купцов ненадёжных, рёк там, что ты, княже, какого-то иноземного Хорсунянина к себе приблизил, а его, заслужившего звание Боярина своей отвагой в битвах, отныне не жалуешь...

– Себя же он в этом не винит, так? – спросил Святослав, исподлобья глядя на помощника Тайного тиуна.

– Воеводу Свенельда более всего винит, – кивнул Варяжко.

– Нет у меня к нему более веры, хоть он и добрый воин, – тяжело вздохнул князь. – Пусть вину свою в полной мере прочувствует. – Что ещё? – Вопросал князь, всё ещё думая над последними словами тайного стражника.

– Ещё промеж христиан киевских, кои в основном купцы богатые да бояре, разговор идёт, что несправедлив ты к брату своему двоюродному Улебу, который-де и добродетелью христианской отмечен, ведь в главнейшем царьградском храме святой Софии крещён, и умом не обижен, и у матери-княгини добрый помощник, а ты всё ему ходу не даёшь. – Мрачно молвил Варяжко.

– Смекалист он, сие верно. Только суть свою в сражениях настоящих показать надобно, или в решении дел трудных, а он пока только в подручных у матери подвизается, а в сечу-то не торопится. Вот и нынче мать за него попросила, мол, оставь Улеба, одной не справиться, а он и бровью не повёл... – Святослав на некоторое время замолчал, размышляя, потом тряхнул головой. – Ладно, ступай! – Когда Варяжко направился к выходу, добавил вслед: – Позови-ка Припасных темников.

С Припасными темниками князь долго беседовал, спрашивая, сколько есть сена, проса, брашна, и сколько чего прикупить надобно.

Потом вызвал Зворыку.

– Завтра утром пошли гонцов в землю Болгарскую. Пусть скажут их царю: «Аз, князь Святослав киевский, иду на тя! Сдавайся или защищайся».

– Выступаем, княже?

– Да, брат. Час приспел полететь нашим соколам за Дунай!

После этого отправился на Мольбище, принёс жертвы богам и вёл беседу с Великим Могуном.

Зайдя в терем, Святослав пообедал и решил кое-какие дела с матерью Ольгой.

А затем отправился на княжескую конюшню и занялся выбором коня. Чтобы масть была чисто белой, чтобы ржал звонко и весело, чтобы выя дугой выгибалась. А когда на нём выезжаешь, чтоб копытами землю бил, а грива стелилась по ветру. А самое главное, чтоб выносили восток имел – в погоню устремлялся первым, а силы терял последним.

Таких коней Святослав, помимо своего Белоцвета, отобрал ещё двоих. И велел стременным подобрать к ним сёдла прочные, уздечки, стремена, поторочные сумы снарядить – всё, как надо, и всех троих скакунов приготовить к походу.

Взглянув на солнце, заспешил в Ратный Стан, где уже должны были собраться темники и полутемники.

– Пойдём тремя путями, – молвил князь, когда все уселись в его шатре. – Воевода Свен поведёт Черниговскую и Северскую конницу посуху к Трояновым валам, – он на миг задержал взор на старом воеводе. – Я с пешей Подольско-Волынской ратью воеводы Васюты спускаюсь лодьями по Непре, а Притыка выйдет на морских насадах из Корчева, и морем двинемся на Болгарию. Встречаемся ко дню Перунову возле Дунайской Переправы. – Святослав опять взглянул на старого воеводу, что сидел с непроницаемым ликом и добавил. – В тех землях, вуйко, через которые проходить будешь, пополнение набирай, – в древлянах, а также в тиверских да уличских градах и весях, которые за тобою ещё от отца моего, потому как тиуны в тех землях да старосты тебе добре ведомы. – Свенельд только, молча, кивнул в знак согласия.

Не один десяток лет в этих землях он собирает полюдьё. Когда-то князь Игорь поручил воеводе взять дань с непокорных тиверцев да уличей. А уличи – народ вольный, свободолюбивый, они даже грады свои строят не так, как славяно-арии, по кругу, а рядами с ровными улицами, что под прямыми углами пересекаются, за что и прозвали их уличами, или уголичами. И дань добровольно они платить не хотят, а только воинской крепкой руке подчиняются, такой, как тяжёлая десница Свенельда. Сидели уличи с тиверцами между Днестром и Бугом, да Свенельд с варягами так крепко за них взялся, что после трёхлетней осады взял их стольный град Пересечень, стоявший в устье реки Самарь, там где она вливалась в Непру. Да не захотели уличи входить в состав Киевской Руси и большей частью переселились к Днестру, там град новый Пересечень-на-Днестре поставили и стали владычить аж до Дуная, до самых валов Трояновых. Однако с Киевом договор мирный имели, и так повелось, что в тех землях полюдьё собирал не князь, а Свенельд.

– Как достигнете Днестра, – вёл дальше князь, – темник Боскид с Черниговской тьмой поднимется вверх по течению и соединится там с нашими союзниками уграми, гонец к ним уже послан.

Наконец, обсудив все вопросы, темники разошлись отдавать младшим приказы о выступлении в Дунайский поход.

Проходя по Ратному Стану, князь неожиданно столкнулся с Берестянским огнищанином, который был ему знаком, как и каждый из воев, что не единожды побывали с ним в тяжких походах. Святослав ответил на приветствие воина и прошёл шагов пять, а затем остановился, видно, что-то решив про себя. Потом окликнул огнищанина и отметил незнакомого молодого воина, удивительно схожего со Звениславом.

– Кто это с тобою, Звенислав? – спросил князь.

– Сын мой младший, Младобор, вот, готов со мною встать в строй, сам его науке воинской обучал, – отвечал огнищанин.

– Погоди, брат, – Святослав покачал головой, – а сколько же ещё сыновей у тебя?

– Было трое, княже, – опустил голову старый огнищанин, – двое..., – он замешкался.

– Я помню твоих славных сынов и добрых воинов, – скорбно молвил князь, – и Саркел помню, и битву с Курей... – Оба помолчали. – Храбро сражались сыновья твои за землю славянскую, Вышеслав с Овсениславом за Русь нашу вольную жизнь положили, потому дякую тебе и сыновьям твоим красно! – Святослав приложил ладонь к сердцу и склонил голову перед отцом. – Живые всегда в долгу перед павшими. Особенно, коли ты начальник воинский, который на смерть их посылал, никогда эта рана души не сможет зарастить, до самой смерти. А что же сын твой в стороне стоит? – Святослав рукою сделал знак младшему Лемешу подойти. Он оглядел ладную статью, слепленную нелёгким огнищанским трудом, пожал крепкую руку и заглянул в открытые голубые очи Младобора, сияющим восторгом глядящие на «самого князя». Как бывало с ним не единожды, когда впервые встреченный человек вдруг чем-то очень нравился или, напротив, вызывал неприятное ощущение, от которого потом почти невозможно было избавиться, Святослав почувствовал, что молодой огнищанин «лёг ему на душу».

– А сколько ж годов тебе, Младобор? – услышав ответ, немного удивился: – Выходит, мы с тобой годки, а я думал, ты моложе. Есть ли у тебя жена и детки? – спросил Святослав.

– Нет, княже, – смущаясь, хриплым от волнения голосом ответил молодой огнищанин.

– Да стеснительный он у меня слишком, – вставил слово отец, – давно уж пора своих детей, а мне внуков иметь, а он всё с детьми брата тешит.

– Эге, не дело это, – с грустной улыбкой пожурил молодого Лемеша князь. – Чтоб Русь крепла, нужно каждому род свой укреплять, а какой же род без деток? Ты давай, брат Младобор, исправляйся. – Потом повернулся к Звениславу и молвил твёрдо, но с теплотой в голосе: – Забирай сына, отец, и возвращайтесь домой. Огнищанин должен мирным трудом заниматься: землю раять, детей да внуков растить.

– Постой, княже, как это – домой, а как же поход? Ведь тьма наша уже снимается, коней седлают..., – растерянно возразил огнищанин.

– Порядок один для всех, брат Звенислав, – твёрдо ответил князь. – Последнего сына, коли не стоят враги у ворот, не положено в дружину забирать. Врага на земле нашей уже нет, и в том заслуга твоих сыновей, Овсенеслава с Выпшеславом. Семья огнищан Лемешей свой ратный долг сполна отдала Киеву, теперь помогайте ему трудом своим огнищанским, который не менее воинского для Руси значит. Вот пойдём мы на Дунай-реку, сломим опасность хазарскую да койсожскую, что в земле болгарской затаилась, вернём земли Русколани великой, но то будет только первый шаг. Исконно нашей станет земля Дунайская только когда такие, как вы, огнищане, на тех полях крепкие корни пустят. Мечом угождая отвоевать дело важное, только без рала огнищанского, за ним идущего, может пустым оказаться. Так что как закрепимся там, добро пожаловать, земли добрые дам, сколько пожелаете, скотину и пенязи на обзаведение – всё из казны княжеской получите.

– Как же... – опять возразил Звенислав, – я-то конюшенный, я ведь...

– Отец, на конюшне теперь другие помощники есть, – горько усмехнулся Святослав, и Звенислав понял, что князь говорит о бывшем темнике Блуде. – Для того и отправляемся мы в поход за Дунай-реку, чтобы спокойно на Руси огнищане своим делом занимались, – тихо произнёс Святослав, глядя куда-то мимо воина, и боль, с которой произнесены были последние слова, выдавили невольную скупую слезу из очей Звенислава. – В Берестянской пуще есть заимка кудесника Избора, а подле могила неприметная. В ней жена моя Овсена и сын Мечиславушка схоронены. Разущи, прошу, и приглядывай за погребалищем, пока я сам не вернусь. Прощай..., – Святослав повернулся и пошёл, не оглядываясь.

Звенислав, тронутый доверием князя и сердечными его словами, хотел ответить, что пока род его живёт на свете божьем, будет под постоянной заботой могила жены и сына Святослава, но горький ком, подкативший к горлу, не дал словам вырваться наружу.

Стоя у широко распахнутых ворот Ратного Стана, некогда самый отчаянный и удачливый темник Киевской дружины, а ныне помощник княжеского конюшенного второй руки Блуд глядел, как уходит из града лихая конница. Уходит на войну без него! Непробиваемый ком залёг внутри. Боль и ярость, обида и тоска – всё собралось в этом горячечном сгустке, терзало душу и рвало её на части. Стократ досаднее было оттого, что предводительствует конницей давний недруг воевода Свенельд. Слово своё княжеское Святослав сдержал-таки, когда перед всеми темниками в гневе выкрикнул, что станет Блуд простым конюхом в Киеве, коли посягнёт на часть воинской добычи. Перед затуманенным взором одна за другой мелькали картины прошлого. Как раз воевода Свенельд, облачённый в дорогую византийскую броню, на чудном вороном коне, был тем первым воем, стать вровень с которым возомнил себе жалкий сирота, маленький лиходея, приведённый в Ратный Стан железной десницей кузнеца Молотило. Он не просто грезил о том, нет, он трудился так, что иногда полуживым едва добирался до жёсткого воинского ложа. Блуд не жалел ни себя, ни других, потому как только упорным трудом и быстротой мысли он мог достичь желаемого, а без этого жизнь не стоила ничего, лучше сгинуть от рвущего жилы напряжения в воинской учёбе или в лихой схватке. И он достиг своего, свершилось невиданное: из простого воина враз стал темником! Да не просто темником, а любимцем самого князя, который души в нём не чаял, потому как более всего уважал людей беспримерной храбрости. Всё так и было, он шёл в гору и уже мыслил тайно, как бы отодвинуть от князя основательного не любящего пустого риска Свена. На Булгарской войне он даже подослал в окружение воеводы своего человека, который слушал все речи Свенельда и передавал их Блуду. Но опытный и осторожный воевода видно почуял опасность, исходящую от молодого темника и.... «Да что говорить, – горько сознался сам себе Блуд, – переключал меня Старый Лис, сумел очернить перед Святославом. А теперь в Дунайском походе хитрый Свен сколько

приберёт к рукам!» Блуду вспомнилась та обида, когда он в тяжком бою одолел челматского князя, как победно воздел он главу поверженного, и как просили враги отдать голову повелителя своего за золото, сколько та голова потянет. А князь обидел его горько, повелев отдать голову просто так, за то, что добре бился челматский князь! Щедрость Святослав свою показал, только почему за его, Блуда, счёт, почему из добычи воинской не дал за ту голову злато? «А как я своё сам взял, так сразу в немилости оказался! Скот, мол, продал, а как сам Свенельд за счёт уличей да тиверцев, с которых дань для казны княжеской собирает, себе мошну набирает? Ох, и ловко пристроился, никто ведь не проверит! А на меня князя науськал, заставил деньги вернуть местным жителям, да ещё и в казну заплатить! Да не то важно, обидней всего, что князь мне доверять перестал. Да тут ещё Тайная Стража свою ложку дёгтя добавляет! Они, как пить дать, они, донесли князю про то, как я пленников из той булгарской войны знакомым купцам выгодно пристроил. Этот Ворон в старой простой кольчужке, да помешанный на писании на бересту и кожу Варяжко. Им-то, как и волхвам, ничего в этой жизни не надобно – ни денег, ни власти. Из-за них я дома нового и части богатств лишился и из темников лучших в помощники конюшенного попал!»

Помощник княжеского конюшенного второй руки то и дело поскрипывал сжатыми зубами да посылал горькие проклятья своим недругам, всё более убеждая себя в собственной правоте.

От воспоминаний или от того, что в мыслях он всем «перемыл кости», боль помалу стала утихать. «Что ж, – успокаивал себя Блуд, – и Свен тоже у князя в опале был, да снова поднялся, неужто я глупее его, или менее изворотлив, это мы ещё поглядим! Я моложе, у меня запаса времени больше, поглядим, Старый Лис, чья сверху будет!»

А бывший старший конюшенный с сыном возвращались домой. На новом подворье возник ещё больший переполох, чем когда они уезжали в Киев, большой переполох, да большие слёзы. Такова женская суть: и от горя плакать, и от радости. Беляна как упала на широкую грудь Младобора, как зашлась рыданием, так и не могла никак остановиться.

– Видно, дошли мои мольбы до грозного Перуна, – тихо шептала меж рыданиями да всхлипами Беляна, – одного ведь он у меня уже забрал в своё войско небесное, зачем же и второго, не пережить мне того, не пережить!

Совсем растерянный, но счастливо сияющий Младобор нежно обнимал плачущую Беляну и не мог вымолвить ни слова. Всегда глядел он прежде на жену брата с плохо скрываемым очарованием и восторгом, как на диво дивное, как на богиню во плоти. А вот, как провожала она его, да как обожгла поцелуем, так и не стало ему покоя – чтоб не делал, всё о Беляне думал. Теперь же в слезах радости и горячем объятии вовсе растаяла чувствительная душа Младобора, и не понимал он, на каком оказался свете: в небесном ли Ирии или на земле. Не видел, как увёл отец плачущую от счастья мать, как старший из резчиков что-то тихо сказал напарнику, и тот завлёл Ярослава и Цветену, увёл их подальше к раскидистой груше, где стал ловко резать острым ножом забавные фигурки чудных зверей, а дети пытались за ним повторить.

Когда чуть пришёл в себя от неожиданного счастья молодой огнищанин, то увидел, что нет вокруг никого, только он с чуть всхлипывающей на груди Беляной. Несмотря на проделанный по жаре путь из Киева, ему не хотелось ни пить, ни есть, а только чтобы рядом вот так, как сейчас, прильнув к нему гибкой ивушкой, всегда находилась Самая Прекрасная на всём белом свете, и сквозь грубое полотно рубахи слышался стук родного сердечка. Потом повернулись они и, не сговариваясь, пошли неспешно, будто поплыли прочь с подворья. Молча прошли, держась за руки, до поросшего осокой пруда и сели на корявом пне, прижавшись друг к другу и глядя на солнце, заходящее за верхушки деревьев Берестянской пуши.

– Белянушка, – нежно прошептал Младобор, как будто боялся вспугнуть севшего на цветок мотылька, – я ведь всегда любил и втайне любовался тобой, только очень боялся, а вдруг догадается кто, ты же брата моего жена...

– Тише, – женская рука нежно коснулась уст молодца, заставив смолкнуть, – знаю всё, женщина ведь не только очами, она кожей, а более всего сердцем чувствует, а от этого виденья ничего не скроешь, молчи! Я всё по Вышеславу убивалась, а как собрались вы с отцом на войну Дунайскую, будто пелена с глаз, а может с сердца упала, – она замолчала, не то вспоминая, не то собираясь с силами. – Уразумела я враз, что и ты можешь из того дальнего похода не вернуться, и не будет никогда более рядом твоих лучистых очей..., – она снова примолкла. – От Вышеслава детки хоть остались, а от тебя ничего, совсем ничего!

Через седмицу, когда мастера закончили свою работу, и новый дом Лемешей засиял свежей резьбой: конями, солнышками, знаками Рода, Макоши, Даждьбога и другими обязательными для доброй жизни оберегами, сыграли Лемеша свадьбу. Не особо пышную, хотя был у них достаток, а потому что была уже у Беляны когда-то свадьба с Вышеславом, и детки – одиннадцатилетний Ярослав и девятилетняя Цветена – вон уже какие взрослые. Да ведь никакая свадьба людей не соединит, коли души не сроднились. А эти друг на дружку и наглядеться не могли.

Глава четвёртая

Дячина

Летит-стелется лихая киевская конница. Вошла в Древлянскую землю. В Овруче – новой столице, возведённой вместо Искоростеня, разрушенного Ольгой, Свенельд борзо собрал Древлянский полк, и дружина повернула к полудню.

А через седмицу дошла до Днестра.

Свенельд направил Боскида с тьмой вверх по реке на соединение с уграми, сам же переправился на другую сторону.

Пройдя Днестровский Пересечень, конница взяла направление на Болград.

Здесь Свенельд поставил впереди войска уличей и тиверцев, хорошо знавших Белохорватскую и Дакийскую земли, и так они потекли дальше к полудню.

Земли Подунавья когда-то принадлежали дакам, которые с давних времён сражались вместе со скифами против Римской империи и её восточной части – Византии. Но хитрые ромы и ромеи, где лестью, где посулами и прямым подкупом, переманивали даков к себе на службу. А потом римский император Марк Траян Ульпий захватил земли даков силой. И даки стали охранять Волошину, то есть территорию восточного Подунавья, подчинённую Риму и платившую ему дань, теперь уже от «варваров»: готов, гуннов, славян, варягов, обров, угров и прочих народов, угрожавших Римской империи с северо-востока.

Давно уже нет Великого Рима, его «растворила» в себе более хитрая греческая Византия. Не стало и воинственных даков. Их потомки охристианились и смешались с прочим населением Волошины, а теперь и Болгарии. Осталось только название – Дакийская земля, Дячина, как благодарность-подяка Богу в те времена, когда её жители – даки, геты, фракийцы – одерживали великие победы и владычили на землях от самой Карпат-горы до Дуная, от Дуная до Марицы и далее к полудню, охватывая те уголья, где теперь стоит византийский Константинополь.

В один из дней в утренней дымке увидели передовые дозоры зелёную сопку, подле неё другую, третью, и далее гряду уходящих за окоём с восхода на заход возвышенностей.

– Ну, вот и до Первого Троянового Вала дошли, – молвил основательный и немногословный старший дозора из уличской тьмы. – Отсюда одесную возьмём, нам к Переправе поспеть скорее надобно.

Дозорные, а вслед за ними и Киевская конница двинулись вдоль цепочки покрытых зеленью и слитых меж собою не то природных гряд-возвышенностей, не то рукотворных холмов.

– Скажи, десятник, – обратился к старшему дозора молодой быстроглазый воин, озадаченно глядя на уходящую к виднокраю гряду, – кто эти самые валы возвёл, и почему они Трояновыми зовутся? Это что, их римский император Траян возвёл, чтоб границы свои обезопасить? Так разве ж руками человеческими можно столько земли переверочать, ведь это какие тьмы народу нужно собрать для такой работы?

– Э, брат, – продолжая зорко вглядываться вдаль и одновременно «стричь» внимательным оком заросли во впадинах и низинах, отвечал степенный начальник, – некогда боги-отцы сдвинули тут земную твердь, подобно волнам морским, чтоб детям их, живущим по отцовским заветам, защита надёжная от злых ромов была. Ты внимательно-то на валы сии погляди, ничего не замечаешь? – спросил он, когда дозор поднялся на вершину одного из холмов.

– Валы, как валы, старые, полуразрушенные, – пожал плечами молодой воин, оглядывая с высоты простирающиеся вдаль извилистые ряды возвышенностей.

– Внимательней гляди, у дозорного не только глаз острым должен быть, но и ум быстрым, – строго молвил старший дозора.

– Ага, кажется, вон там, – помедлив, указал молодой дозорный, – будто руками человеческими соединили два прерванных вала...

– Верно, где разрыв природного вала был, там насыпали, где слишком склон пологий был, там подкопали, круче сделали, где-то ров меж валами углубили, чтобы врагу труднее было перебраться, а значит, и поразить его стрелой проще. Там же, где вешние воды могли размыть рукотворную насыпь, столбы дубовые вбивали, а уж потом землёю гатили, да ещё и сверху для прочности снова землёй покрывали, так-то, – молвил важно десятник.

– Не пойму, – привстал на стременах второй дозорный, – отчего они с нашей стороны пологие, а с римской – крутые? Как будто с этой стороны кто-то от римлян защиту сооружал...

– Молодец, Тихомир! – похвалил начальник. – Потому что валы сии намного раньше римского Траяна обустроены были. Гусельщики, домрачеи да бояны-велесовичи рассказывают в песнях своих, что во времена праотца Ория сыновья его разделились на три Рода, и были то Кий, Щех и Хорив, родоначальники русов, чехов и хорват, от которых и пошли славянские племена великие. Дружно они промеж собой жили, всегда брат брату по завету отцовскому помогали, и прозвали их в народе Троян-царём. Ибо находились они под покровительством Верховного нашего Трояна-Триглава и были его земным воплощением. Праотец Орий и сыновья его сотворили великую державу Русколань, границы коей простирались от Рай-реки на востоке, до Дуная на западе. И жили пращуров наши под правлением Троян-царя и потомков их богато и мирно тысячу лет, и времена те прозвались Трояновыми. А когда готы с гуннами разрушили Русколань, пришёл конец и векам Трояновым, настало Злое время междоусобиц, разлада и войн. Так вот, ещё во времена Трояновы предки наши строили те валы для защиты Русколани от врагов: и на Днепре и его притоках строили, и на Дунае, там, где он перестаёт течь на полдень и сворачивает на запад. Там второй ряд сих валов великих тянется, – закончил старший дозор.

– Погоди, – догадка осенила молодого дозорного, – выходит, мы не просто на Болгарию идём, а ту землю, что некогда Русколани нашей принадлежала, возвращаем! – воскликнул он.

– Так оно и есть, – степенно кивнул старший дозор и направил коня вниз.

Подъехали к невеликой степной реке, что преграждала путь и уходила на полдень, прорезав неширокое ущелье в древнем валу.

– А ну, молодцы, на десяток шагов друг от друга, – приказал старший, спешиваясь у берега, – ищем, где дружине лучше перейти эту самую Ялпугу.

Переправившись через реку, Киевская конница вскоре свернула левее и, пройдя по тесной ложине меж двух рукотворных сопот через каменные развалины, много веков тому бывшие прочными башнями ворот, перешла на полуденную сторону древних укреплений и двинулась вдоль сильно вытянутого озера Ялпуг. Десятник пояснил, что старая римская дорога должна привести к придунайской крепости Орёл, построенной у древней Переправы через голубой Дунай. С водной глади, поросшей густыми камышами да осокой, то и дело взлетали утки, серые гуси, а по мелководью важно выхаживали задумчивые цапли. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались плавни.

– Глядите, братья, какая здесь прорва дичи! – восторженно воскликнул Тихомир, подняв громким возгласом в воздух ленивую стайку куликов. Из ближней камышовой заросли рыжей молнией выскочила лисица и, сердито взглянув на неожиданных шумливых гостей, испортивших ей охоту, тут же скрылась в кустарнике.

– К тому же, непуганой вовсе, – добавил дозорный и замолчал, перехватив неодобрительный взгляд десятника. Негоже шуметь в дозоре, это каждый знает, даже когда вокруг ни души, сколько око зрит.

Наконец увидели полуразрушенную крепость, сложенную из ровных каменных блоков в два локтя длиной и три четверти высотой каждый.

– Вот это и есть то самое место, – молвил старший дозора, – где персидский царь Дарий велел покорным ему грекам мост ставить.

– А когда это было? Расскажи! – полюбопытствовал молодой.

– Волхв на привале сказывал, – вступил в разговор Тихомир, – что когда наши предки-скифы погнали войско этого Дария прочь со своей земли, то он устремился как раз на сию переправу. А скифы тогда послали самых борзых воев на лучших конях, они примчались сюда раньше удиравших персов и крикнули грекам: «Ломайте мост, возвращайтесь по домам и благодарите нас и богов за вашу свободу: если царь ваш и уцелеет, он долго еще ни на кого не пойдет войной!» Греки собрались на совет. Одни их князья захотели тут же уничтожить мост, чтобы сгинул персидский царь, и стала греческая земля опять вольной. Но другие возопили, что свободные грады греческие вряд ли захотят оставить у власти тех, кто так ревностно служил завоевателям.

Долго спорили вожди греческие меж собою, склоняясь то в одну, то в другую сторону, а потом решили часть моста со скифской стороны разобрать, а остальную пока оставить и ждать, что будет дальше.

Персидское войско подошло к Дунаю ночью. Ощупью, по колено в воде, стали искать мост; моста не было, только одинокие сваи торчали из воды. Началось смятение. Сам Дарий не знал, что же ему делать. Но тут ему на помощь пришёл египтянин, что был в его свите. Отличался сей муж голосом необычайной силы. Не единожды приходилось ему передавать команды царя персов, перекрывая голосом своим даже шум битвы. Он стал кричать во всю силу, голос перелетел через Дунай, его услышали в греческом лагере и выслали за Дарием лодку. Мастера стали спешно достраивать мост, и на следующий день остатки Дариева войска потянулись прочь из нашей земли. Глядели наши деды на это с окрестных холмов, дивились несказанно и рекли: «Если греки – свободные люди, то нет людей их трусливее; если греки – рабы, то нет рабов их преданнее», – закончил пересказ дозорный.

Меж тем уже вся конная дружина Свенельда собралась на берегу широкого Дуная, осталось дожидаться угров да княжеских лодий.

– Раскинуть стан, охране вокруг глядеть зорко, дозоры вверх и вниз по течению, а также на том берегу на треть гона, проверить переправу! – как всегда кратко и властно повелел опытный воевода, цепким взором оглядывая всё вокруг.

Святославовы лоды, благополучно пройдя пороги и спустившись в устье Днепра, прошли остров Березань, к коему пристали всего на день для починки оснастки, и борзым ходом двинулись дальше. Калокир, что плыл на княжеской лодье, теперь почти всё время стоял на носу, радостно подставляя чело свежему морскому ветру, с детства столь привычному и родному. Святославу даже показалось, что губы Хорсунянина иногда беззвучно шевелятся, будто он что-то повторяет про себя или молится.

– О чём молишь своего бога? – спросил он патрикия.

– Я не молюсь, я прославляю море стихом великого Гомера. Как всякий херсонесит, я люблю море и рад снова встретиться с ним!

Миновали Днестровский лиман, лоды прошли вдоль многочисленных прибрежных озёр, и, наконец, уткнулись в песчаный берег морского залива в Дунайских плавнях.

На берегу табун диких коней мирно пасся у самой воды, цапли деловито что-то искали в тине.

С приближением лодий лошади и цапли неохотно покинули своё место.

– Значит, поблизости никого, – заключил старший дозора Гуща. Нос его лодки врезался в покрывающие воду заросли. Гуща, опустив руки в воду, вдруг вытащил из нее зеленый куст с округлыми клубнями на корнях. Ловко обрезав клубни ножом, он рассёк их напополам и предложил всем попробовать ядро.

– Вкусно! – удивился второй изведыватель, сначала осторожно отведав клубень. – На грецкий орех похоже...

– Это и есть орех, только водяной, – пояснил старший, часто бывавший в сих местах вместе с купцами. – Древнейшая и ценнейшая пища, заменяет рожь и пшеницу, кои в болотистой дельте Дуная не растут. Водяной орех сушат, толкут в муку и пекут лепешки. А также скот кормят...

Пятёрка изведывателей, напутствуемая Вороном, тут же свела в поводу своих коней и ускакала на полдень. Воины, осмотрев берега, стали вытаскивать лоды и обустраиваться на стоянку.

Уже к вечеру следующего дня завидели молодые дозорные паруса больших лодий из Корчева под водительством Притыки. Воины из Тьмуторокани, Танаиса, из градов Альказрии, с Дона и берегов Сурожского моря спешили на означенное князем место встречи. Радостны и крепки были богатырские объятия, дружной общая вечеря. А после того темники собрались у самой большой из морских лодий, что стояла, уткнувшись крепким бревном днища, в песчаный берег залива. Лодия сия была спущена перед самым походом, и теперь Святослав оглядывал её крутые, ладно изогнутые бока, нежно поглаживая их мозолистой рукой, будто гордую выю резвого скакуна.

– Добрую лодью мастер Орёл срубил, ладная да прочная, глядите, братья темники, не простая ведь работа, волшба, самая настоящая! – восторгался обычно скупой на похвалу князь.

– А в ходу-то как легка, – пробасил Притыка, – вроде и ветер один для всех, и оснастка та же, да только бежит всё время впереди, так что мы с кормщиком опасались, как бы остальные лоды из виду не потерять.

– Что скажешь, морской человеке, – обратился Святослав к Хорсунянину, который также внимательно оглядывал новую лодью, иногда постукивая по смолянному боку костяшками пальцев, – оцени труд мастеров наших.

– Работа ваших мастеров совсем другая, – в раздумье молвил посланник. – У нас хорош тот мастер, который точно по составленному чертежу, по канону корабль сработает, а у вас настоящий мастер немного по-своему творит. Каждый корабль иной. Мы строим по науке, а вы больше по тому, как сердце подскажет.

– Верно речёшь, но это тоже наука, только другая, волховская, – заметил князь. Потом добавил: – Станем теперь снова крепко в Подунавье, будет, как прежде, сие море Русским зваться, и много таких добрых лодий понадобится.

– Княже, – подал голос Ворон, отвёл Святослава чуть в сторону и тихо доложил, – изведыватели вернулись из Килина да Нов-града Дунайского с недоброй вестью. Рекут, в Нов-граде послы наши казнены по приказу болгарского царя, а головы он повелел на колья насадить, чтобы каждый болгарин, проезжая мимо, на них плевал...

Святослав помрачнел. Отойдя от красавицы лоды, будто не желая, чтобы злая ненависть касалась её стройных бортов, князь обвёл тяжким взором темников и громко повторил слова главного изведывателя. Молнии блеснули в очах князя, а крепкие скулы жёстко обозначились.

– Таков, значит, ответ болгарского царя... Что ж, пусть теперь силу булата нашего испробует и уразумеет, что кровь посланников ему дорого обойдётся!

– Зачем наперёд гонцов посылать? – тихо спросил кто-то из молодых тысяцких. – Лучше напасть на врага неожиданно, когда он не готов к обороне, тогда и победа будет быстрая!

Притыка, услышав эти слова, хотел резко ответить, но, не желая спора в скорбную минуту и снисходя к юности тысяцкого, коротко произнёс:

– Не годится Киеву так делать. Русичу надо в честной борьбе силу мерить, а прежде дать противнику возможность выбора: начинать ли войну или, может, согласиться на дань.

Дружинники устраивались на ночлег, кто на лодиях, кто у шуршащей песком и мелкой галькой волны, кто вокруг небольших костров. Темники с князем и Калокиром тоже распо-

ложились вокруг костра и принялись обсуждать предстоящую войну, которая уже началась с момента казни гонцов.

– Завтра всеми лодьями войдём в Селину. Конница, наверное, уже на подходе к Болграду, а оттуда ей день пути до Дуная, – молвил Святослав. – Задерживаться в Нов-граде не будем, только гонцов наших схороним.

В полугоне от града, на вершине небольшого холма, вырыли воины для братьев своих яму, устлали её верболозом, которого в гырле Дунайском немеряно произрастает. Положили в неё тела молодых гонцов и их снятые с кольев головы. Дали, как полагается, каждому воину меч, щит и лук со стрелами, чтобы они могли служить дальше в войске Перуновом. Обнажили боевые клинки и скорбно склонили головы над последним в земном мире прибежищем своих побратимов.

– Вои мои хоробые, – обратился с последним словом Святослав к павшим, – исполнили вы свой долг пред отцом нашим Родом Всевышним и матерью Русью Великой сполна. За то быть вам во Сварге пречистой! Вы первыми легли в древнюю землю прашуров славных здесь, в Придунавье, у древних валов Трояновых. Понимаем, что сие не последняя наша жертва, но вам, друзья боевые, клянёмся словом воинским, неколебимым, словом русским, что память о вас храня, биться станем, не щадя живота и не ведая страха. Клянёмся вам, что в битве предстоящей стократ отомстим за вашу гибель! – слова князя звучали всё более громко и веско, в них зазвенела уже тугая струна внутреннего напряжения, которая тут же отзывалась в сердце каждого воина. – Слава братьям нашим, Сечеславу и Борзомыслу!

– Слава! Слава! Слава! – громовым гласом раскатилось по окрестностям троекратное эхо, и содрогнулась земля болгарская от того крика тысяч могучих глоток, взлетели испуганные стаи гнездившихся в ближайших лиманах и заливчиках птиц.

Потом каждый подходил и сыпал в яму землю из шелома. Воины шли сотня за сотней, тысяча за тысячей, и когда последний воин опустошил свой шелом, то вырос на том месте свежий курган. Прошла дружина строем скорбным мимо преданных земле братьев своих боевых и в последний раз воздала им честь, обнажив мечи.

– А тризну справим по братьям нашим павшим в бою скором! – веско произнёс Святослав. – Карать град, в коем добрая половина жителей славяне, не будем, – молвил князь, – то не их вина, а решение царя болгарского. Надобно к Переправе торопиться, до неё не менее пяти гонов, а мы не на конях, а на вёслах, да против течения.

Свенельд ходил туда и сюда по старой башне некогда грозной, а ныне наполовину разрушенной крепости. Ни дозоры, посланные вниз по течению реки, ни те, что посланы вверх, пока никого не обнаружили. Но чутьё старого воина подсказывало, что болгарское войско уже близко. Встретаться с ним одной только коннице ой, как не с руки. От Святослава с Притыкой никаких вестей. Нужно было крепко подумать, как действовать при появлении болгарского войска.

О появлении болгар дозоры с правого берега сообщили к вечеру следующего дня.

– Стан раскинули в полугоне от Дуная, – докладывал начальник дозорной сотни, – мыслю, поутру могут подойти к самом берегу.

– Может, нам затаиться, не выдавая своего присутствия? – предложил Зворыка.

– Напротив, нужно сделать вид, что нас много, – возразил Свенельд. – Сделаем так...

Дунай блеснул в утренних лучах солнца, будто обнажённый клинок. Берега были ещё окутаны лёгким туманом, запутавшимся в зарослях тростника, терновника и кряжистых дубах, росших на взгорках, когда на противоположной стороне призрачными тенями явились болгарские дозорные.

Свенельд со всей свитой стоял на одном из взгорков, а его конница сзади делала пере-строения, то разъезжаясь, то вновь сходясь. Сотни борзо проскакивали перед стоящими на возвышенности начальниками, потом скрывались за прибрежными кустами, заходили далеко в тыл и вновь появлялись с той же стороны, как новоприбывшие полки.

На одном из дубов на противоположном берегу сидел болгарский дозорный и считал русские сотни и тысячи. Но даже приблизительно счесть ему не удавалось. Окончательно сбившись, он слез с дерева и сказал, разведя руками, стоявшим внизу:

– Братья, не счесть той силы киевской, много их! Может, все десять тем!

Тут же об этом было доложено молодому князю Елизару, под чьей рукой находилось болгарское воинство.

– А сколько пеших ратей у Киевского князя? – Сурово спросил дозорных болгарский князь.

– Мои люди пеших воинов не видели, только конных. – Ответствовал дозорный сотник.

– Мне надо точно знать, сколько у противника конницы, сколько пеших ратей, я не хочу, чтобы во время сечи неизвестно откуда взявшиеся вражеские воины ударили мне в спину! – Грозно молвил Елизар, метнув тяжкий взгляд на дозорного сотника. – Вижу, от дозорных толку мало, позовите ко мне начальника изведывателей!

На другой день Свенельд продолжил морочить голову затаившимся в прибрежных кустах болгарским изведывателям, а сам всё более проникался тревогой: ни Святослава с пешими ратями, ни Боскида с угорскими конными тьмами до сего времени нет. «Ежели болгары с кой-согами и хазарами выведуют, сколько войска на самом деле, то... попадёшь ты, старый воевода, как кур в ошип», – рёк себе Свен.

Тут-то и подскакал к Свенельду на разгорячённом коне сторожевой сотник.

– Воевода, идут, уже близко! – радостно сообщил он.

– Кто, толком реки! – Серdito одёрнул его Свенельд.

– Угры во главе с воеводой Боскидом! – ответил сотник, круто осаживая взмыленного скакуна.

– Добре, передай Боскиду, пусть они вслед за древлянской конницей пристраиваются.

– Как это «ещё и угры появились», а вчера их что же, не было? – сердито возразил болгарский военачальник. – Мне ведь сказывали, что войско русов немногочисленно.... Откуда взялись мадьяры? Почему о том, что они на стороне русов, я узнаю только сейчас? Наврали, греческие псы? Ну-ка, позови-ка мне того стратигоса! Византиец, подойдя к болгарину и, выслушав укор, приложил руку к груди.

– Я точно знаю, князь, что у Святослава не может быть десяти тем войска, даже вместе с уграми! Из Руси вышли всего две тьмы. Источник верный, от отца Марка, который в Киеве состоит при христианских жёнах, посланных к Ольге. Тут может быть какая-то хитрость, не иначе! Нужно собрать все имеющиеся силы и готовиться к решительному сражению. Если Сфендослаф готовит какую-то ловушку, следует опередить его и скорее начать битву! – Решительно заключил стратигос.

– Начинать битву, не зная точно сил противника? – Воззрился сердито на грека Елизар. – Как раз тут-то и можно легко угодить в западню! – воскликнул он и обернулся к начальнику изведывателей. – Твои люди до сих пор не вернулись? Это черепахи, а не изведыватели! Чтобы к вечеру я точно знал, сколько войск у Русского Барса и где они находятся.

– Князь, позволь сообщить тебе об этом к утру, – взмолился старший изведыватель, – днём близко не подойти, у руссов многочисленные дозоры, а ночью мы всё выведем....

– К полуночи! – оборвал изведывателя молодой князь, в глазах его снова заплескали молнии гнева.

Лодыи Святослава и Притыки причалили к левому берегу Дуная ниже Переправы после полуночи. Свенельд, Зворыка и Боскид были уже тут. Дозоры, заранее посланные навстречу лодьям, упредили воеводу об их приближении, и темники поспешили к условленному месту. Князь обнял своих верных военачальников.

– А что, друзья-темники, не было ли в пути у конницы встреч нежеланных, не досаждали ли кочевники? – спросил он.

– Княже, – молвил в ответ Свенельд, – ты же знаешь их нрав, горазды укусить, коли слабость чувствуют, а с сильным супротивником стараются быть в дружбе. Сила Киева ныне всем ведома. Кто сейчас захочет с нашей конницей тягаться?

– А угры как настроены? – обратился Святослав к Боскиду.

– Настроены решительно, княже. Только хотят знать точную долю добычи.

– Добро, кто у них за главного?

– Сам кенде Чобо. Тот самый, которого мы прошлым летом в полон на Карпатах взяли. – Ухмыльнулся усы Боскид. – Желает обсудить с тобой все условия.

– Добро! – воскликнул Святослав. Он был доволен, что теперь войско в полном составе: шесть, пусть неполных, тем – всего почти шестьдесят тысяч.

Четверо угров с привычными для них тремя косицами на бритых головах подъехали к князю русов. Двое охоронцев и толмач сидели на обычных степных конях с крепкими ногами и большими головами. Кенде же, в отличие от большинства соплеменников, восседал на тонконогом высокорослом коне с небольшой головой. Он спешил, бросив поводья охоронцу, и подошёл к Святославу вместе со своим толмачом, по всему, из карпатских словенцев.

– Как будем делить добычу, об этом следует договориться заранее, – заметил Святославу молодой угрин, когда они обменялись приветствиями.

– Мы привыкли всё делать по Прави. Твоих воинов на треть меньше, чем моих, значит треть добычи твоя, – ответил князь, глядя прямо в тёмные очи Чобо. – Какое участие – такова доля, а уж из неё каждый из военачальников определяет вознаграждение храбрецов по своему разумению... Теперь же, князь, давай обсудим наши действия на поле боя...

Поговорив ещё немного, князя ударили по рукам и разъехались каждый к своему войску. Святослав собрал своих темников и, став перед ними, молвил:

– Друзья мои, кто отличится в битве с болгаро-хазарской ратью, получит двукратную добычу. А кто с одной тьмой разобьёт две вражеских, тот будет стоять перед проходящими полками и заслужит от них троекратную «славу». Того же, кто с одной тьмой три тьмы одолеет, награжу ещё и золотой цепью со Сварожьим Триглавом.

– А кто с одной полутьмой две вражеских тьмы разобьёт? – с хитринкой в очах спросил Путята.

– Того на своё место поставлю, нареку великим воеводой и сам перед ним проведу полки! – без тени улыбки отвечал князь.

Темники оживлённо зашевелились.

– Мы и прежде верно служили Киеву, княже. Теперь же будем служить ещё лучше, живота не жалея, до самой смерти!

– Завтра нам вступать в сечу. При себе ставлю Зворыку, ежели со мной что случится, приказываю слушаться его, как самого князя киевского! Мы ещё с ним обмозгуем, куда и кого направить, потому как от первого боя зависит многое. Завтра Перунов день, потому первый бой посвятим богу нашему воинскому, а это значит, что должны постараться изо всех сил на поле брани!

Темники разошлись к своим полкам, а старый Зворыка остался с князем глаголить про заутренний бой. В ту ночь многие воины почти не спали, проверяли кольчуги, острили мечи и стрелы.

Перед рассветом, когда над водой сгустился туман, беззвучными серыми тенями отошли от суши лоды и насады с танаисцами и почайцами, подольцами и волюнянами и устремились к правому берегу, кутаясь в клубы утреннего тумана и растворяясь в нём. Не скрипнула ни единая из уключин, обильно смазанных пахучим дёгтем, ни всплеска не было слышно при осторожной и слаженной работе опытных гребцов. Все напряжённо вслушивались в тишину, стараясь уловить малейший звук, нарушающий привычный лад сонной реки. Вдруг совсем рядом с головной насадой что-то глухо ухнуло, и мощный шлепок о недвижимое, подёрнутое туманом зеркало водной глади, заставил всех вздрогнуть и замереть на краткий миг... Притыка, молча, махнул рукой загребному, тот вытер с чела капли крупного пота и вместе с гребцами продолжил свою напряжённую работу, стараясь унять гулкое биение сердца, которое, казалось, было слышно на обоих берегах Дуная.

«Ничего, – успокаивал себя старый темник, – там, в лощине, наши изведыватели, ежели что не так, знак подадут. Если только они до сих пор живы... А без нашего удара с тылу трудно будет коннице под стрелами ворожьими на десной берег выйти» – обеспокоенно думал он, продолжая напряжённо вглядываться в окутанный туманной мглой невидимый пока берег.

Вот головная лодья беззвучно замерла в десятке саженой от суши, остальные тоже остановились. Спустя время трижды громко прокричала утка и смолкла. Ей ответил селезень.

– Причаливай! – повелел Притыка и первым соскочил на мелководе. Тут же пред ним, будто соткавшись из предутренней тьмы, возник начальник изведывателей.

– Скорее, братья, времени у нас мало, идти придётся борзо, но тихо, – упредил Ворон

– Показывай дорогу! – Кратко ответил ему старый темник.

Одна за другой подходили лоды, и воины, блюдя строгий наказ начальников, беззвучно сотня за сотней исчезали в поросшей вербами лощине, что тянулась от реки. Оружие и походные котелки, обмотанные тряпицами и вервями, помогали избежать железного звяканья.

– Чего это мы так спешим, ведь могли раньше...ещё о полночи причалить и не торопясь...с оглядкой дойти, – тихо ворчал, тяжело дыша, молодой сотник, с некоторым удивлением взирая на старых воинов, что шли низким шагом викингов и не выказывали явной усталости.

– Если прийти загодя, можно легко на вражеских дозорных напороться, – громким шёпотом назидательно отвечал ему старый воин, – нам нужно поспеть как раз к тому, когда наши на сей берег ринутся и вся болгарская рать на них навалится, тут уже никаких полков, кроме дозоров, на нашем пути не буде. Да и у тех всё внимание будет обращено к переправе, а не на собственные тылы.

Ещё утренняя Заря не поднялась над Дунаем, как рога протрубили побудку, и дружина встала на молитву, а потом на поверку. После этого князь снова вызвал темников, и седой Зворыка, потерявший шуйцу в жаркой битве при Тьматорокани, огласил указы.

– Сердцем будут Северская и Черниговская тьмы, Северская будет под моим началом и станет одесную, а Черниговская с Боскидом ошую. Отдельным конным полкам – Вятскому, Радимичскому и Киевскому прикрывать Сердце и быть одновременно в запасе княжеском, а значит, борзо лететь, куда он в битве укажет. За Десное Крыло отвечает воевода Свенельд, который вместе со Второй Угорской тьмой и своими уличами, многие из которых угорскую речь разумеют, будет стоять против болгар и яссов. Шуйское крыло с Первой Угорской тьмой и тиверцами возглавит князь Чобо. Они со Свенельдом обрушатся на крылья болгарского воинства. Замыкать дружину будет Древлянский полк. Да пребудет с вами Перун. По коням!

– Слава Киеву! Слава князю Святославу хороброму! Слава старшему темнику Зворыке! – отвечали темники и шли в стан отдавать приказания младшим начальникам.

Зазвенели рога на построение, раздались команды. Тиверцы ускакали налево к угорским тьмам, а уличи – направо. В сердце ошую выстроилась в боевой порядок Черниговская тьма, а одесную – Северская. Сзади них, отстав на полгона, споро построились резервные конные

полки: Киевский, Радимичский и Вятский на борзых кабардинских конях. Именно им была доверена княжеская хоругвь. А позади всех выступил Древлянский полк.

Тьмы делились на полки, в каждом из которых – тысяча. А каждая тысяча делилась на сотни. И каждый воин знал своё место, как расходиться и опять образовывать полк. И вся святославова конница могла растекаться и собираться свободно и послушно, будто мышцы легконогого пардуса, который перед прыжком выгибает спину, втягивает сильные лапы и припадает к земле, пристально наблюдая за каждым шагом врага.

Болгарское войско стало выстраиваться на полуденном берегу Дуная.

Молодой стремённой Святослава, глядя вперёд и нетерпеливо гарцуя на своём коне, весело обратился к старшему княжескому стремённому:

– А что, Зверобой, искупаем нынче коней в голубой дунайской воде?

Зверобой, устремив глаза на противоположный берег и прикрыв их от солнца заскоруждой ладонью, ответил, вздохнув:

– Нету, брат, страшнее боя, когда в нём с двух сторон славяне сходятся! Много падёт нынче воинов и с их стороны, и с нашей.... О том надо думать, Збимир, и молиться Перуну с Перуницей, а не веселиться попусту...

– Э, Зверобой, так ведь там не только болгары, но и битые нами койсоги с хазарами, да волжские булгары с яссами. Они-то уже бегали от мечей нашей дружины.

– Ладно, поглядим, как оно будет, – угрюмо ответил старший стремённой.

Русские полки выстроились на левом берегу Дуная.

Все взоры обратились к Святославу.

Князь дёрнул усом.

– Вспомните, братья, гонцов наших, – начиная греметь голосом, – провозгласил князь, легко гарцуя на белом коне, – вспомните, какой лютой смерти и поруганию предали болгары их тела, вот истинное лицо врага! И здесь мы справим великую тризну по друзьям нашим, сердцу милым, принеся им жертву великую и кровавую! Пусть знают и помнят болгары священную нашу мсту! – воскликнул он, вздымая меч. – Вперёд, братья! Слава Перуну!

Военачальники ответили ему дружными боевыми восклицаниями, так же вздымая мечи.

Черниговская тьма принялась надувать кожаные мешки и готовиться к переправе. Остальные должны были пока ждать.

Вот Святослав подал знак, и Черниговская конница ринулась в воду. Далеко окрест разнёсся шум дунайской волны, конское ржание и окрики воинов.

Болгары кинулись к воде, чтобы не дать черниговцам осуществить переправу и сбросить их обратно в Дунай.

Тут Святослав подал знак тиверцам, и те, увлекая за собой Первую Угорскую тьму, под водительством кенде Чобо, кинулись в воду, заходя левее болгарского войска, крыло которого, состоящее в основном из полков хазар и койсогов, несколько растянулось, чтобы перехватить противника. Ещё далеко в воде начав схватку, тиверцы стали просачиваться на берег. Полетели первые русские, угорские и хазарские головы. Тиверцы и угры, не выдержав натиска, начали отступление. Хазарские полки, возликовав, кинулись за ними. Черниговцам пока тоже не удавалось зацепиться за сушу.

Опять дал знак Святослав, и уличи во главе со Свенельдом, вместе со Второй Угорской тьмой, переплыв Дунай, начали вытекать на правый берег, но булгары с яссами, что составляли шуйское крыло болгарского войска, встретили их яростным боем.

Где же Притыка с танаисцами и почайцами, что же медлит старый, – нетерпеливо думал Святослав, – неужели сам нарвался на засаду? Там же у него Ворон, который всё вокруг переправы этой излазил, каждый извив берега изучил и проводников местных нашёл. Они должны были провести пешие тьмы балками да оврагами незаметно.... Князь искоса взглянул на Кало-

кира, который, сидя на коне в полном воинском облачении, внимательно и напряжённо следил за разворачивающимся боем.

– Ага, князь, есть, достиг твой стратигос Притыка цели! – в волнении воскликнул Калокир, – гляди!

Действительно на поле битвы что-то изменилось. Будто порыв невидимой бури пронёсся по ещё недавно стройным рядам противника. Часть полков и тем стали разворачиваться спиной к схватке, другие, не понимая, что происходит, от некоторой растерянности ослабили натиск на руссов. Воспользовавшись неожиданной заминкой, тиверцы и угры вышли-таки на берег, вступив в жестокую схватку.

– Молодец, Притыка, ох, молодец, да как вовремя! – воскликнул князь вслед за Калокиром, радость охватила его.

Новый знак киевского князя – и храбрая Северская тьма кинулась в дунайскую волну и стала выходить почти посредине между уличами и тиверцами, выпустив по болгарам тучу стрел, а затем переходя на мечи и копья.

Вслед за ней смогла, наконец, выйти на берег изрядно поредевшая Черниговская тьма. Не отрывая очей от боя, князь придвинул к берегу Киевский, Вятский и Радимичский полки, которые с ходу ринулись через реку. Князь с Калокиром переправились вместе с ними. Они пошли вперёд, а рубившаяся перед ними Черниговская тьма стала забирать влево, стараясь отсечь правое крыло супротивника и соединиться с тиверцами и уграми кенде. А Северская, вклиниваясь в ослабевшую оборону Сердца болгарского войска и рассекая его, напротив, принялась заворачивать вправо, стремясь соединить коло с уличами Свенельда и воинами Второй Угорской тьмы, что уже обхватили дугой левое крыло болгарской рати. Замыкающим вошёл в воды священного Дуная Древлянский полк. Переправа была закончена.

Радимичи, Вятичи и Киевляне тоже ударили в Сердце противника. Полки во главе с князем и Калокиром, над которыми развевалась белая княжеская хоругвь с золотым соколом, стали теснить уже порядком ослабевшего врага, на которого с противоположной стороны крепко давили пешие танаисцы Притыки и почайско-волынская тьма Васюты. Сам князь на белом коне прорубался мечом, словно железным клювом хищной птицы, в гущу противников, всё более отдаваясь вихрю смертельного боя, где каждый удар его был точен и выверен многими предыдущими схватками. Не отставал от него и хорсунянин, расчётливо и точно орудуя своим римским клинком. Подхваченные боевым задором Святослава, а также стремлением защитить и уберечь своего князя, его верные стремленные и даже посыльные тоже ринулись в гущу сражения, дивясь собственной удали и лёгкости, возникшей вдруг в теле. Князь же по давней воинской привычке успевал видеть и противника перед собой, и одновременно тех, кто сражался подле.

Северская тьма Зворыки, отчаянно рубясь, сумела, наконец, отсечь часть Сердца болгарской конницы и, обтекая её левое крыло, соединилась с борзыми уличами и отчаянными, злыми в конной схватке уграми, и тем замкнула правое малое коло. Только небольшая часть чутких койсогов смогла вовремя ускользнуть из кола перед самым его смыканием и унести прочь на своих резвых скакунах. Потом тиверцы и дерзкие угры с черниговцами замкнули болгар в левое малое коло. А ещё через некоторое время танаисцы с почайцами и волынцами, при поддержке киян, вятичей и радимичей, охватили оставшихся болгар в третье коло. И в каждом выстраивалась болгарская Лодия и пробивалась к полудню, теряя воинов в лютой сече.

Первыми пали болгары в правом Коло, рассечённом надвое Уличами и Северянами. Второе держалось, но потом в нём стало так тесно, что всадники начали мешать друг другу. Зворыка рубил их двумя тьмами, и скоро это Коло разбилось на три, а потом стало крошиться. Всадники уже не слушались начальников и бросались, кому куда вздумается, лишь бы только спастись. Вскоре все три малых кола были разбиты.

Болгарский князь в третьем коло бился с княжескими конниками и танаисской полутьмой. Вторая танаисская полутьма ловила беглецов и треножила болгарских коней. Святослав, встав во главе киян, врезался в Коло и борзо разделил его надвое. Калокир, хоть Святослав и не велел ему лезть в гущу сражения, был всё время рядом. Краем глаза в горячке схватки нет-нет, да бросал князь быстрые взгляды в его сторону и видел, как умело рубится Хорсунянин. Верные болгарскому князю витязи отчаянно сражались, дружно рванулись и прорвали коло, вытекая на полдень. Но воины Притыки были уже на задах и перенимали беглецов. В сей последней битве пал и болгарский князь, сражённый кем-то из русских лучников. Радостные крики победителей и отчаянные вопли побеждённых мигом разнесли над полем битвы эту весть.

Многие из оставшегося болгарского войска начали сдаваться, а другие от безысходности рубились ещё ожесточеннее, отчаянно бросаясь на мечи. Особенно люто бились в окружении хазары, которым теперь уже некуда было уходить. Каганата больше нет, а в приютившей их Болгарии, по всему, отныне распоряжаться будут те же кияне. И ещё долгое время шла сеча, возглавляемая другим болгарским витязем, принявшим на себя начало вместо убитого. Кони ржали от ужаса, а люди, сгрудившись в смертельной горячке последнего боя, кричали, рычали и вопили, превращённые сечей в диких зверей, продолжая безумную схватку, которая была уже просто смертоубийством.

По велению Святослава над полем сражения пропели рога о прекращении битвы.

Болгары, опомнившись, опустили мечи и начали сдаваться.

Только далеко к полудню, оторвавшись от преследования, неслись гонцы с вестью, что тридцать болгарских тысяч разбиты на Дунае Святославом, из которых спаслась только треть. И надрывно выл да скрежетал зубами старый болгарский царь Пётр, узнав, что в этой сече погиб один из его лучших полководцев князь Елизар.

Глава пятая

Стременные

Страшным было поле недавней сечи. Прибрежная часть степи с полуденной стороны Дуная была усеяна мертвецами. Земля лежала искромсанная, с выбитой и раздавленной травой. На берегу не осталось почти ни одного целого куста – все верболозы и терновники были поломаны и посечены. Синий Дунай замутился от крови и медленно нёс трупы по направлению к морю.

Над полем с мерзким карканьем кружили вороны. Иные уже приступили к трапезе, выклёвывая, в первую очередь, глаза мертвецов.

Стенали раненые воины, и тоскливо ржали получившие увечья кони. А убитые русы, угры и болгары лежали, раскинув руки, глядя в сваргу уже незрячими очами.

Живые воины ходили среди павших, выносили раненых, оказывали им помощь. Собирали оружие, снимали с мёртвых противников добрые доспехи, обувь, одежду, поторочные сумы, носили всё это и складывали в три равные кучи, чтоб по справедливости разделить потом меж победителями. Ловили и двуножили лошадей, наскоро сооружали коновязь. То же и с обозом супротивника, – все припасы съестные, корм для коней, походные кузны, запасы оружия и прочее делилось на три равные доли, одна из которых предназначалась уграм. А в низине под усиленной охраной сидели и лежали болгарские пленники, понуро ожидавшие своей участи, – кого отправят рабом в Мадырию либо на Русь, кого продадут тем же грекам в ближайших торговых городах, а кому посчастливится быть принятым в Святославово войско, принести клятву киевским богам и служить в дружине сурового северного воителя.

Сам же Святослав был весь поглощён иным: в сопровождении старшего стремennого он ходил по полю, ища среди убитых и раненых младшего. Несколько дружинников и темников помогали им. Прошли уже большую часть поля, но Збимира не обнаружили.

Князь оглядывал каждого павшего воина, надеясь обнаружить юного стремennого, который по своей горячности бросился вслед за ним в тяжкую сечу. Отпечатался в памяти миг, когда, рубясь с кем-то из лихих темников противника, боковым зраком отметил Святослав, как ринулся на него справа здоровенный болгарский воин. А в следующее мгновение путь здоровяку преградил молодой стремennой. Потом навалились другие супротивники, и что случилось со Збимиром, он уже не видел.

«Где же ты, неразумный стригунок, молодая сорвиголова? Куда подевался? Что скажу я твоему деду, старому Издебе, коий доверил тебя мне, как себе самому?»

Ходившие с князем воины на вопросительный взор князя разводили руками: нигде не видать!

Святослав стал, огляделся кругом и вдруг зычно, на всё поле, крикнул, так что вороны в испуге поднялись в воздух:

– Гей! Збимир! Где ты есть? Откликнись!

И вдруг – о, чудо! – на берегу зашевелились кусты, и оттуда вышел младший стремennой, ведя на поводу запасного княжеского коня.

– Где ты шатался? – набросился на него Святослав.

Збимир испуганно замигал синими очами, не понимая, чем вызван княжеский гнев, и, запинаясь, ответил:

– Я на реке был, княже... коня твоего поил и купал...

– Другого времени не мог найти? – уже перекипая, укорил Святослав.

– Я просто вспомнил, Зверобой сказывал, что довелось вам пить шеломами из Дона и Волги, и коней в тех реках великих купать. Вот, думаю, пришёл черёд в синем Дунае твоего коня искупать...

– А на того болгарина отчего один на один кинулся? Он ведь здоровенный, мог одним махом тебя порешить!

Збимир пожал плечами:

– Я поступил, как любой из твоих воинов...

– Тогда позволь и отблагодарить тебя, как воина! – отвечал уже сменивший гнев на милость Святослав, обрадованный, что нашёл стремennого живым и невредимым. Привлекши к себе юношу, он троекратно поцеловал его в ланита и чело. Затем, сняв свою белую княжескую епанчу, в нескольких местах с прорехами от вражеских клинков и немало забрызганную кровью, набросил её стремennому на плечи и прикрепил золотой фибулой. – За сей день! – сказал он.

Ошарашенный стремennой стоял, не двигаясь, с приоткрытым ртом и распахнутыми очами.

– Не молчи, дубинушка киевская, – громким шёпотом проронил за его спиной Зверобой, – реки князю хоть одно слово благодарственное!

Но Збимир молчал, как очарованный, только по покрасневшейся, как у девицы, щеке, сползла чистая юношеская слеза.

К Святославу подошёл Зворыка.

– Княже! Ямы у края поля готовы.

– Приступайте! – велел Святослав и, развернувшись, пошёл к своему только что раскинутому шатру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.